

Таня Гроттер и проклятие некромага

Автор:

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и проклятие некромага

Дмитрий Емец

Таня Гроттер #12

Жидкое зеркало некромага Тантала... Отвратительный темный артефакт, который наделяет даром особого оборотничества. Жизни двух людей – твоя и того, чей облик ты примешь хотя бы раз – с этой минуты сливаются воедино. Уколется один – кровь у обоих. Постепенно их сознание тоже начинает объединяться. Тот из двоих, кто нравственно сильнее, будет влиять на более слабого...

Таня мучительно пытается понять, для чего жидкое зеркало Тантала могло понадобиться Бейборсову? Зачем он похитил его из хранилища для особо опасных артефактов? Теперь Магщество разыскивает некромага как преступника. А Глеб скрывается где-то на Буяне. Вскоре Тане и ее друзьям становится известно, что в темнице Чумы-дель-Торт заточен дух Тантала. Все это очень странно. А тут еще на носу драконбольный матч между сборной мира и сборной вечности...

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и проклятие некромага

Глава 1

Тайны оптом и в розницу

В жизни всегда масса причин, чтобы не делать чего-то: не бороться, не рисковать, поджать лапки и скиснуть, когда нужно бороться и достигать. Всегда вперед! Разочарование от неделанного – самое большое разочарование.

Личные записи

Сарданапала Черноморова

Состояние между сном и бодрствованием маги называют «прозорливым предутрием». Именно в этот короткий час приходят ответы на вопросы, которые мучительно задаешь себе днем.

И вот в то октябрьское предутрие, когда мы начинаем свой рассказ, Таня внезапно поняла, что относительно и хрупкому душевному равновесию, которым она гордилась последний месяц, этому доказательству своей окончательной взрослости, наступил конец. Осознав это, Таня открыла глаза и, не двигаясь, долго смотрела в потолок. Во дворе Тибидохса глухо перекликались циклопы. Ночью мавки опять прорывались из подземного тоннеля в парке, и Поклеп принял все меры предосторожности. В общем, обычное раннее утро обычного осеннего дня.

Заснуть Таня уже не смогла. Ей стал мерещиться толстый черный кот, который вспрыгнул к ней на грудь, поднял морду и улыбнулся многозначительной, совсем не кошачьей улыбкой. Улыбка кота напомнила Тане чью-то очень знакомую улыбку.

– Чушь! – сказала Таня.

Она рывком села и произнесла заклинание. В комнате вспыхнул свет. Не позволяя себе долго раскачиваться, Таня стала готовиться к аспирантским экзаменам.

«Таня, ты обязательно должна прочитать Онуфрия Приплюснутого «Слова, которые убивают». Только не оставляй книгу на ночь открытой. Там по страницам блуждает автор, а это не для слабонервных», – сказал ей вчера

Сарданапал.

Ознакомившись с сочинениями Онуфрия, Таня отправилась на завтрак. По дороге она привычно забарабанила в комнату Ягуна. Играющий комментатор последнее время вечно просыпал завтраки. Исключением были случаи, когда он не ложился вообще. Но после бессонной ночи у Ягуна обычно не бывало аппетита. Он ложкой прокапывал в каше траншеи и требовал, чтобы вместо солдат в них засадили кусочки соленого огурца или ветчины.

- Не входите, умоляю! Я смущаюсь! Дайте хоть в одеяло закутаться! - сразу после стука раздался из-за двери панический вопль Ягуна.

Таня собралась ждать, но тут дверь распахнулась, и на пороге вырос играющий комментатор во влажном драконьем комбинезоне. Заметно было, что он только что откуда-то прилетел.

- Не смешно. Что, опять не ложился? - спросила Таня.

- Видишь ли, я надумал наскоро поменять в пылесосе свечи. Поменял свечи, решил попутно посмотреть реактивный усилитель. И свернул там одно крепление... Ну и пошло-поехало. А потом, конечно, пришлось полетать, чтобы проверить, все ли нормально. И снова, понимаешь, движок троеит!

- Ягун, тебе никогда не приходило в голову, что техника ломается только у тех, кто ее чинит?

- Да ну... Хочешь новую экзаменационную задачку? Встречаются в лесу два чувака. Уровень магического мастерства одинаковый, боевой опыт тоже одинаковый. Короче, все примерно равное. У первого - молот Перуна, у второго - трезубец Посейдона. Оружие, ясный перец, непобедимое, круче нет. Первый чувак - в нагруднике Зевса, у второго чувака доспехов нет, зато на шее амулет - пятка Ахилла. Начинается бой. Удары нанесены одновременно. Кто кого замесит?

Таня пожала плечами.

– Да никто никого. Трезубец Посейдона не посягнет на мага в нагруднике Зевса. Это дружественные артефакты. А молот Перуна не тронет некромага.

– А как ты докажешь, что второй некромаг? – разочарованно спросил Ягун.

– Никто, кроме некромага, костей на себе таскать не будет. Они из него силы высосут. Пятка Ахилла – это кость. Что, неправильно?

– Да правильно, – кивнул Ягун. – Я тоже сразу догадался. А третьекурсники почти все засыпались. Вот что значит новая школа.

По дороге в Зал Двух Стихий Таня и Ягун встретили Сарданапала. Академик поклонился немного на старомодный манер и хотел пройти.

– Пойдите! Академик, можно вопрос – милый и ненавязчивый, как я сам? – внезапно завопил Ягун.

Сарданапал остановился.

– Нет. Никаких новых вопросов, особенно милых и ненавязчивых, как ты! – ответил он.

– А я новых и не задаю. Помните вчерашний мой вопрос? «Да» или «нет»?

– Разве я вчера не сказал «нет»?

– Ну позязя! Не за себя же прошу! Хотите я на колени встану, а Танька вас поцелует и зайчиком попрыгает?

– Че-е-его? – возмутилась Таня, которая вообще не понимала, о чем Ягун просит Сарданапала.

Сарданапал поморщился. Совершенно ясно, что Ягун не отстанет.

– Опять та же песня! Ну хорошо... Если Ягге поручится, что все будет более-менее цивилизно... – нерешительно начал академик.

– Ура! Считайте, что она уже поручилась! – завопил Ягун.

Сарданапал понял, что ошибся и выбрал не тот рычаг.

– Э-э... Ну да... Хотя учти, если Медузия или Зуби откажут... – осторожно продолжил он.

– Они откажут, только если с ними советоваться. Когда все свалится на голову, отказывать будет поздно. И потом, разве вы не глава школы? Разве ваше мужское авторитетное слово не есть закон для нас всех? – надув щеки, сказал Ягун.

Академик устало махнул рукой, буркнул что-то про юродство и ушел.

– И почему это я должна была прыгать зайчиком? – мрачно спросила у Ягуна Таня.

– Ты что, забыла? Я выполнял просьбу Шурасика. Старине Шурасику завтра двадцать лет. Душа его жаждет праздника. А моя душа жаждет шумной толпы контуженных однокурсников.

Таня задумчиво кивнула. Собрать вместе весь курс – что может быть лучше. И Ванька, возможно, выберется.

– Танька, прости, я должен бежать! – спохватился Ягун.

– А завтрак?

– Я забыл сделать одну штуку. Захвати мне чего-нибудь мясного, но чтобы оно не шевелило лапками. Ладно? Ну пока!

И Ягун умчался, паря на ушах, как на крыльях любви. У него вечно были всякие «пылесосные» дела-делишки: понестись туда-то, договориться с тем-то, чтобы тот повел к какому-то своему знакомому смотреть клапана или менять присадку на новую трубу. Причем, зачем нужен тот, первый посредник и почему нельзя связаться сразу, напрямую, Тане было глубоко непонятно.

Однако бегательная система явно имела свои бонусы, потому что, несмотря на то что Ягун вечно сидел без дырок от бублика, пылесос у него был самый навороченный в Тибидохсе. Местные же русалки, на чешую которых играющий комментатор постоянно зарился, боялись Ягуна до дрожи. Исключение составляла Милюля, которая мало того, что сама никого не боялась, ее еще и боялся грозный Поклеп. «Подхвостник!» – называл его Ягун с учетом того, что каблуки у русалки по известным причинам отсутствовали.

* * *

Ближе к обеду стало окончательно ясно, что Медузия и Великая Зуби не то чтобы согласны принять в Тибидохсе всю ораву, но вроде как активно и не возражают. Другими словами, это было скорее «да», чем «нет».

– Мигом всех обзваниваем! Надо ковать железо, чтобы было, что сдать в металлолом! – велел Ягун.

Таня вздохнула и послушно принялась ковать железо. Когда белая дымка на экране зудильника рассеялась, Таня увидела Гробыню. Склепова томно возлежала на диване, закинув ноги на спинку. Гуня массировал ей ступни. При этом вид у него был такой суровый, будто он сейчас озверевает и поотрывает Склеповой все пальцы на ногах. Хотя, если вдуматься, у Гуни всегда был такой вид. И тем не менее Гробыня до сих пор была жива.

– О, Гроттерша! Снова ты, бешеная сиротка! Никакого покоя! Никакой личной жизни! – сказала Склепова будничным голосом.

Таня обиделась. Можно было подумать, что в последний раз они разговаривали не несколько месяцев назад, а только вчера.

– Прости! Я, кажется, помешала!

– Ты всегда мешаешь, и я всегда тебя терплю!.. Трудись, трудись, Глом! Не тебе звонят!..

– Что-то у тебя дымно в комнате! – сказала Таня, приносиваясь.

Зудильник неплохо передавал запахи.

– А то! – сказала Гробыня. – А кто виноват? Все он, тиран и деспот! Вообрази, этот индивид поспорил со мной, что я, если постараюсь, способна приготовить яичницу. Вот и поспорил. Пожарники уехали четверть часа назад.

– Она пыталась жарить яйца огнедышащим заклинанием! В доме! Где шторы! Бумага! Деревянные стулья! – злобно крикнул Гуня и дернул Гробыню за большой палец.

Склепова ойкнула и швырнула в Гуню подушкой. Гуня поймал подушку и бросил обратно. Гробыня кинула в него кремом и лягнула ногой. В ответ Гломов, пыхтя, перевернул диван и сбросил Гробыню на пол. Потом уселся сверху и принялся методично душить. Гробыня не особенно сопротивлялась. Судя по всему, это была такая мирная семейная игра.

– Слушайте, вы явно заняты! Давайте я позвоню через час! – вежливо предложила Таня.

Гробыня замычала. Подняв руку с перстнем, она ужалила Гломова искрой в нос и, освободившись, плюхнулась в кресло.

– Нет уж, Гроттерша! Говори сейчас, чего тебе надо. Через час я буду уже на кладбище.

– ГДЕ? – испугалась Таня.

– Где слышала! У нас теперь контроль и учет, сиротка! За все личная ответственность! Эти тупые вурдалаки уже дважды раскапывали не ту могилу и приводили на эфир кого попало. Грызианка визжит, как фурия, и плюется кислотой. Чуть какая накладка – виноват всегда тот, кто молод, красив и талантлив. Ну а прав, понятно, тот, кто стар, безобразен и бездарен! – сказала Склепова.

Судя по всему, она давно уже распределила все роли.

– Не буду тебя задерживать. Я только хотела пригласить вас на день рождения! Завтра, в шесть вечера. В Тибидохсе, – сказала Таня.

Гробыня подняла брови. Ее глаза так и остались разными. Один был голубой и наивный, а другой смотрел хитрой монгольской щелочкой.

– Ты что, собралась родиться два раза в году? Дело, конечно, твое, Гроттерша, но сильно не увлекайся.

– Я в курсе, когда я родилась. Я приглашаю вас на день рождения Шурасика. Ему двадцать лет. Первый сознательный юбилей и все такое, – пояснила Таня.

Склепова хмыкнула.

– Что, Шурасику уже двадцатник? Это круто! А Сарделькокопал дал согласие на бучу по этому поводу?

– Дал. Под поручительство Ягге и Соловья, что крышу сорвет только у нас, а не у Большой Башни.

– Мудро. Ответственность – это та же шоколадка. Ее лучше разделить на всех... – оценила Гробыня. – Еще вопрос: а чего Шурасик сам меня не пригласил?

– Шурасик прилетает из Магфорда. Он очень занят и просил нас с Ягуном все организовать, – пояснила Таня.

– А, ну да! Магфорд! – небрежно вспомнила Гробыня. – Шурасик же теперь важная шишка на важной елке! Интеллектуальная подпорка для тупого ректора! Его глаза, мозг и язык!..

– Так вы будете или нет?

Гробыня задумалась.

– Гуня, у нас завтра есть передача?

Гломов мрачно замотал головой.

– Мой негритенок-секретарь подтверждает, что передачи нет. Ну так и быть: мы припремся. Оркестр, надеюсь, будет?

– И оркестр, и расстрельная команда, – пообещала Таня.

Склепова усмехнулась. Большой бульдозер великодушно не заметил наезда маленькой машинки.

– Ну и славно! Ждите нас! Сарделькокопалу, Клепе и прочим Медузиям привет! – сказала Гробыня.

Щелчком пальцев она притянула к себе зудильник и метко запустила им в Гуню. Экран погас.

Таня отметила, что имя Медузия Склепова особенно не уродовала. И очень дальновидно. Щенок, даже самый отважный, всегда должен знать, на какую собаку тявкать можно, а где лучше взять смысловую паузу.

* * *

После Гробыни Таня обзвонила и остальных по списку. Жикин подскочил к зудильнику сразу. Узнать в нем прежнего красавчика было нелегко. Левая скула раздулась, отчего глаз казался маленьким. С другой стороны, на фингал это походило мало. Желвак вздулся не там, где это обычно бывает после драки, а ближе к носу.

«Сглазил, небось, кто-то. И правильно. Нечего обманывать юных ведьмочек», – решила Таня не без злорадства.

Жикин узнал Таню и заметался. Если он и ждал чьего-то звонка, то не ее.

– Чего тебе надо? Перезвони мне через минуту! – крикнул он Тане и отключился.

Экран зудильника еще не успел погаснуть, когда Таня заметила, что Жикин сорвал со спинки кресла пиджак и суетливо накрыл им нечто, лежащее на столе. Таня не разглядела, что именно. По правде говоря, жикинские секреты ее занимали мало. Маги умеют уважать чужие тайны. У них и своих тайн более чем достаточно. Она дала Жикину две минуты закончить все дела и перезвонила снова.

На этот раз Жикин ответил после третьего звонка и уставился на Таню с бараньим выражением. Все, что было на столе, успело исчезнуть, включая пиджак.

– Ну? Чего? Какая информация? – спросил он сердито.

Предположить, что Гроттер могла позвонить ему просто так, без определенной цели, Жорик не смог бы и в бреду. Таня передала ему приглашение Шурасика. Жикин сухо пообещал, что будет, и отключился, не прощаясь. С Таней Жикин никогда не притворялся любезным. Ее бы это не обмануло, да и самому Жикину было совершенно не нужно.

«Странная штука – жизнь. Я и Жорик даже обидеть друг друга не смогли бы. Мы не просто разные. Мы существуем в разных вселенных», – подумала Таня, глядя на опустевший экран, продолжавший тихо мерцать.

После Жикина она набрала Горьянову, решив сделать все неприятные звонки, а затем переходить к приятным. Вообще-то звонок Горьянову по жребью выпал Ягуну, но хитрый Ягун обменял его на звонок Бейбарсову и Зализиной, который выпал уже самой Тане.

Горьянов обнаружился в грязноватой конюшне. За металлической сеткой скорбно жевали сено пегасы. Вид у них был замученный, крылья хилые, с болячками. Все пегасы были либо слишком молодые и неокрепшие, либо старые и заезженные. Таня, как ученица Тарараха, отметила это сразу.

– А, Танька! Как ты, мать? – заорал Горьянов с несвойственной ему бодростью. Прежде он разговаривал исключительно умирающим голосом.

– Мать нормально. А ты как, отец? – спросила Таня, размышляя, не стукнулся ли Демьян недавно головой.

Горьянов немедленно принялся хорохориться и рассказывать, как круто у него идут дела.

– Занимаюсь, понимаешь, организацией скачек! Все призовые пегасы мои! Нужны будут деньги – ты только заикнись! – заявил он.

– Я уже сейчас заикнулась! Куда к тебе прилететь за деньгами? Вылетаю немедленно, только контрабас достану! – с энтузиазмом вызвалась Таня.

Как она и ожидала, больше к этой теме Горьянов не возвращался да и адресочка, куда прилетать, не оставил. Воротничок рубашки у него был грязный, а перстень с магическим бриллиантом, который он ей невзначай показал, явно фальшивый. Кроме того, Горьянов определенно начинал лысеть. Учитывая, что ему было всего девятнадцать, это заставляло задуматься, что будет лет через десять.

– Я тут босс! Хозяин конюшни! – сообщил Горьянов, но как-то не слишком громко.

– Рада за тебя! Большому кораблю – судьбу «Титаника»! – сказала Таня.

Мимо прошел молодой косолапый вампир с двумя ведрами воды. Вампир бесцеремонно толкнул Горьянова ведром и заорал, чтобы Демьян тут не шлялся и валил отсюда, потому что от него вода в ведрах портится. Горьянов испуганно шарахнулся. Вампир проследовал дальше. Пегасы испуганно шарахались от него и отдергивали морды от кормушек, ощущая кровососа.

– Кто это? – спросила Таня.

– Э-э... Младший конюх! Я позволяю сотрудникам независимое поведение, если они профессионалы. Лошади его обожают. Души в нем не чают! – пояснил Демьян Тане, убедившись, что вампир отошел достаточно далеко.

– И правильно делают. У вампиров нет души, – сказала Таня.

Горьянов смутился. Таня пожалела, что одернула его. Если не давать мужчине хотя бы изредка хорохориться, он совсем захиреет.

– Демьян! Завтра у Шурасика день рождения! В шесть часов в Тибидохсе! Ты сможешь? – спросила она очень ласково.

Горьянов снова заважничал. Достал из кармана исписанный блокнот и стал перелистывать страницы.

– Я жутко занят. Сумасшедший график. На много недель вперед все забито... Секретарша просто оборзела!

– Жалко. Ну ничего. Я скажу Шурасику, что ты не можешь. Думаю, он поймет, – сказала Таня.

Горьянов испугался.

– Стой, не надо! Когда ты говоришь? В шесть?.. Хм... Я попытаюсь вырваться, хотя, возможно, опоздаю. Вы уж там не скучайте без меня, лады?

Таня пообещала, что скучать они не будут. После Демьяна она позвонила Верке Попугаевой и Дусе Пупсиковой. Обе подруги оказались вместе, поэтому вполне хватило одного звонка.

– Как дела, Тань? Ой, я так рада, так рада! Что у тебя нового? – защебетала Пупсикова.

– Что у нее может быть нового? Играет в драконбол. Зубрит ветеринарную магию. А в личном: Бейбарсов, Ванька, Пуппер – все та же карусель, – хмуро перебила ее Верка.

Ее нос беспокойно ерзал, точно и через экран пытался вынюхать, как там и чего. «Вот собака!» – подумала Таня.

– В драконбол действительно играю. Вернулась в команду, – сказала она сухо.

– А что у тебя с контрабасом? Он у тебя заболел, что ли? – насмешливо поинтересовалась Дуся Пупсикова, вновь показываясь на экране зудильника рядом с Попугаевой.

– Кто заболел?

Таня невольно оглянулась на кровать, на которой, точно спящий человек, укрытый до половины одеялом, лежал ее контрабас.

– Ты его случайно кашкой не кормишь? – продолжала язвить Верка.

Несмотря на очевидную глупость вопроса, Таня смутилась. Она относилась к своему инструменту как к одушевленному существу. Порой даже засыпала, обнимая его, как любимую собаку. Рядом с контрабасом валялись растрепанные ноты. Таня в очередной раз пыталась научиться не только летать на контрабасе, но и играть на нем. Сарданапал как-то мельком упомянул, что в звучании струн контрабаса скрыта уникальная магия. Капризная, тонкая, своенравная, она гораздо сильнее магии обычных заклинаний. Вот только подобрать к ней ключик совсем непросто.

– Никто никогда не владел этой магией. Только твой отец и дед. Но и они едва ли продвинулись дальше первой страницы, – сказал академик.

После Попугаевой и Пупсиковой Таня позвонила Семь-Пень-Дыру. Вместо Пня на экране зудильника появился его морок, сотворенный, должно быть, из кучи пыли простым щелчком пальцев и парой искр.

– Вы говорите с автоответчиком! Я обязательно передам ваше сообщение хозяину! Оставьте, пожалуйста, ваше сообщение после третьего удара головой об стол! – сказал он.

Пока Таня размышляла, от кого конкретно требуют биться головой об стол, двойник трижды боднул столешницу и повернулся к зудильнику внимательным ухом. Удивляясь странному чувству юмора Семь-Пень-Дыра, Таня передала приглашение Шурасика.

Остальные звонки оказались еще проще. Последним Таня переговорила с Кузей Тузиковым, который вызвался примчаться едва ли не прежде, чем Таня объяснила, на чей юбилей его приглашают.

– А, да, Шурасик! А я думал почему-то: Сарданапал. А как приходить: с подарком или без? – проблеял он в страшном возбуждении, как всегда, все путая.

– Лучше с подарком. А там как сам решишь, – сказала Таня.

– А-а, ну да... ну да... А что Сарданапал любит?

– Сарданапал много что любит, но юбилей у Шурасика, – терпеливо повторила Таня.

– А, ну да... ну да... А еда-то у Сарданапала будет?

– Будет, – сказала Таня, зная, что Кузя любит хорошо поесть. Это было видно и по его животу, который обретал все больше сходства с набитым рюкзаком.

Тузиков сразу воодушевился.

– А, ну да, как иначе?.. А когда прилетать? Завтра? А сегодня к Сарданапалу можно?

– Можно и сегодня. Но только лучше к Шурасику, – повторила Таня без всякой надежды, что Тузиков запомнит. Главное, что он уловил, что приглашают его в Тибидохс, а не на Лысую Гору. Уже немалый прогресс. Лишь бы по дороге не потерялся.

* * *

Отключившись, Таня с облегчением метнула зудильник в большую ивовую корзину, где у нее лежали свитера, разрозненные ноты, конспекты по высшей магии и много чего другого. Корзина стояла на том месте, где когда-то располагалась кровать Пипы. К счастью, у взрослых учеников Тибидохса есть не только обязанности, но и привилегии. Теперь Пипа жила в отдельной комнате, настолько забитой вещами, что они заталкивались туда только благодаря заклинанию пятого измерения и могучим плечам Бульонова. Комната Пипы находилась в противоположном крыле Жилого Этажа. И это хорошо. Чем дальше люди живут друг от друга, тем лучше у них отношения.

Около часа Таня играла на контрабасе, пытаясь смычком извлечь из него те звуки, что были обозначены в нотах. Порой контрабас действительно издавал нечто похожее на эталонное звучание «правильного» инструмента. Чаще же случалось, что звука вообще никакого не получалось, но вместо этого на столе начинал дрожать стакан или подушка вдруг «взрывалась» перьями, точно кто-то выпалил в нее из дробовика. При этом Таня никак не могла уловить закономерности. Если, положим, в первый раз подушку разносил определенный звук на самой толстой струне, то в следующий раз при попытке повторить тот же звук не происходило ровным счетом ничего. Сто, двести, триста раз Таня повторяла то же движение смычком на той же струне – бесполезно. Контрабас вел себя паинькой, выводил чистую ноту, но только и всего. Лишь перстень Феофила Гроттера злорадно хихикал.

– Гад ты, любимый дедушка! – говорила ему Таня.

Старичок не обижался и продолжал потешаться.

Таня уже начала уставать и держалась на одном наследственном гроттеровском упрямстве, когда с лестницы донесся гул голосов. Такой гул бывал трижды в день и обычно означал, что наступило время завтрака, обеда или ужина. Толпы учеников с Жилого Этажа спускались вниз, в Зал Двух Стихий. «Завтрачный» гул был самый тихий и размазанный. Сонливый народ тащился еле-еле, держась за стены и перила. Многие же вообще пропускали завтрак. Зато на обед и на ужин проголодавшиеся ученики валили толпой. Лестница сотрясалась, и молодцы из ларца едва успевали расстилать самобранки. Топот был слышен даже в магпункте у Ягге.

– О, наши мышинные жеребчики поскакали на водопой! – говорила Ягге.

Случалось, что кто-то – в основном лентяи из третьекурсников, мнящие себя всезнайками, – пытался перенести завтрак, ужин или обед прямо в комнату, используя пространственное заклинание перемещения мелких предметов Халявум, но чаще это заканчивалось тем, что лестницы оказывались перемазанными кашей, а на парадных портретах Древнира торчали прилипшие котлеты. Происходило так потому, что, произнося Халявум и выпуская искру, нужно было четко представить себе трехмерную карту Тибидохса со всеми коридорами, башнями, проходами и мысленно прочертить путь переносимого предмета. Стоило недоучесть какую-нибудь стену или поворот лестницы, и именно туда втыкалась злополучная котлета.

После неприятного случая, когда миской с салатом оливье был атакован сам Поклеп Поклепыч, купивший накануне на Лысой Горе новый костюм, на Халявум в стенах Тибидохса была наложена блокировка.

Решив, что неплохо будет пообедать, Таня положила контрабас в футляр и, собираясь закрыть его, погладила струны ладонью.

– Прости, но мне придется тебя оставить! – сказала она, слушая обиженный гул инструмента.

По дороге к лестнице Тане нужно было пройти мимо комнаты Пипы. У закрытой двери с лицом часового стоял терпеливый Бульонов. В комнате что-то грохотало, вопило, буянило. Изредка дверь распахивалась и наружу вылетал ком спутанного и порванного тряпья. Узнать в этой вывернутой наизнанку и порезанной ножницами рвани одежду из дорогих московских бутиков было почти нереально.

Таня была уже шагах в трех, когда мимо ее лица просвистел и ударился о стену чемодан. Дверь вновь захлопнулась.

– Пипенция не в духе? – спросила Таня у Бульонова.

Тот подтвердил ее предположение грустным кивком.

– Хочешь, я к ней зайду и успокою? – предложила Таня.

– Не стоит. Она тебя убьет. Меня убьет. Всех убьет. На ней опять ничего не сходится. Она утверждает, что кто-то сглазил ее вещи. На самом деле она снова растолстела, но боится себе в этом признаться. Вот увидишь, с завтрашнего дня засядет на диету, будет питаться одними макаронами. Она от них худеет, как ее мамулька от ананасов, – сказал Бульонов.

Таня подумала, что Генка прав. Соваться к Пипе и правда не стоит. Интуитивная магия есть интуитивная магия. Ее всплески неподконтрольны даже самой хозяйке.

Таня спустилась в Зал Двух Стихий. Все преподаватели и большинство учеников уже были там. Медузия ругала поручика Ржевского. Поручик опять пугал младшекурсников, новый набор которых состоялся всего две-три недели назад, своими ножами в спине и прочими дебильными фокусами. На новичков почему-то всегда действует такая дешевка, как вылезший глаз, плавающий в супе.

Поклеп нервно барабанил пальцами по столу. Ему было неловко. Рядом в бочке сидела Милюля и жадно терзала белыми зубами еще живую сельдь. Если рыба билась, Милюля надкусывала ей голову и выпивала мозги. Доцент Горгонова косилась на русалку и удрученно качала головой. Она не была брезглива, но все же считала, что русалкам стоит питаться отдельно.

– Недавно подарил ей на день рождения аквариум с золотыми рыбками. Очень уж просила. И угадайте, что Милюля с ними сделала? – натянуто засмеялся Поклеп.

Медузия холодно прищурилась.

– Передайте мне соль, Клепа! – попросила она.

Поклеп передал соль.

Сарданапал, удрученно качая головой, о чем-то беседовал с Великой Зуби. Зуби морщилась. Она была недовольна, что ее отчитывают как девочку. По кольцу Зубодерихи кругами бегала красная искра. Глаза за толстыми стеклами очков казались выпуклыми, пристально-проницательными.

Сарданапал говорил тихо, но одна фраза до Тани все же донеслась:

– Дорогая Зуби! Умоляю: не обижайся и не пойми меня превратно. Я не ставлю под сомнение твой профессиональный опыт. Я просто хочу подчеркнуть: чтобы эффективно учиться защите от сглаза, необязательно пачками отправлять учеников на больничные койки.

– Я готовлю их к реальной жизни, академик! На следующий урок, уверена, все придут подготовленными, – сердито отвечала Зуби и отмахивалась от укуризенно-назойливой бороды Сарданапала.

– Она опять сглазила трех учеников. Наложила на них собачий сглаз. Теперь они в магпункте грызут ножки кроватей. И не только грызут. Ягге говорит, что они будут воображать себя собачками еще с неделю, – шепнул кто-то Тане.

Таня оглянулась и увидела Колю Кирьянова, теперь уже второкурсника. Внешне Кирьянов мало изменился. Был все такой же глазастый и бледный.

– Откуда ты знаешь?

– Они были с моего курса, – пояснил Коля и хихикнул.

Лучше бы он этого не делал.

Таня успела блокироваться, в конце концов, она была уже взрослой, но рядом двое первокурсников свалились со страшной резью в животе. Поклеп обеспокоенно подбежал к ним. Первокурсников унесли.

– Знаешь, Коля, ты лучше не смейся. И плакать тоже не надо! – настойчиво посоветовала Таня.

За последние месяцы с возможностями Кирьянова познакомился уже весь Тибидохс. Когда Коля шел по коридору, все прижимались к стенам и дрожали. Когда входил в библиотеку – читальный зал пустел. Бедного же Колю все время тянуло общаться. Он боялся одиночества. Ночью он всхлипывал во сне, и вместе с ним всхлипывали еще семь-восемь ближайших комнат.

– А что мне делать? – спросил Коля грустно.

– Просто сиди и ешь. Думай о чем-нибудь в меру жизнерадостном, но ни в коем случае не смешном, – посоветовала Таня.

Вспомнив, что она пришла обедать, а не сидеть на балконе и наблюдать жизнь, Таня с любопытством уставилась на скатерть. Интересно, какая сегодня? Ага, блинчиковая. Это хорошо. На горячие блинчики с маслом соседние столики с удовольствием поменяют и печеную картошку, и плов, и спагетти. Совсем другое дело неликвидная манная каша или тертый редис с майонезом. На них никто не меняется.

Ягуна до сих пор не было. Это удивило Таню. Играющий комментатор не страдал отсутствием аппетита и пропускал обед в исключительных случаях. Обед – это вам не завтрак. К нему надо относиться серьезно.

К Тане подплыл поручик Ржевский. За его спиной маячила укоризненная супруга.

– Этот анекдот я слышала... И самый-самый новый тоже слышала... Все слышала! – сказала Таня прежде, чем поручик открыл рот.

Последние недели Ржевский донимал ее бородатыми анекдотами. Анекдоты были не только сальные, но и кошмарно длинные. К середине анекдота Таня обычно забывала начало. Конец же анекдота напрочь заглушался гоготом самого юмориста.

Ржевский покачал головой.

– Я без анекдота, Тань. Моей жене сегодня приснилось, что ты плачешь, – сказал он серьезно.

У Тани отвисла челюсть. Услышать такое от Ржевского! Повторяю по буквам: Р-ж-е-в-с-к-о-г-о.

– Не врешь? – спросила Таня подозрительно.

– Обычно ей вообще не снятся сны, да и спит она крайне редко, а тут такое... В общем, я подумал, тебе интересно будет узнать.

Тане стало жутко. А тут еще к ней подплыла сама Недолеченная Дама и, заламывая руки, принялась завывать:

– Ты не плакала, ты рыдала. Смотрела, как он уходит, и рыдала! Мое сердце разорвалось бы вторично, если бы давным-давно не истлело в могиле. Я никогда не видела тебя такой подавленной!

– Погоди! Кто уходит? – спросила Таня.

– Этого я не знаю. Я видела только спину... Сон, дорогая моя, это совершенно особенная вещь. Иногда ты видишь спину, иногда уши – и все это абсолютно друг другу не противоречит, – назидательно заявила Недолеченная Дама.

Она вытянула губы трубочкой и, воздев глаза к потолку, продолжала:

– Но это была не спина Вольдемара, готова поручиться!.. Вольдемар, немедленно наденьте голову! Лучше уж снимите носки, если вас так тянет что-то снять!.. Ходить без головы в женском обществе – дурной тон! Я в шоке!

Призрак послушно нахлобучил голову. Голова Ржевского скорчила рожу и показала жене язык.

– Вы ужасны, Вольдемар! Вы превратили мою уединенную мыслящую жизнь в непрерывное страдание! Брак – это поддержка, это помощь в беде, это понимание, а не страсть и пошлое завистливое соперничество! О, как же ты счастлива, Гроттер, что не станешь женой того, кого любишь!.. – надрывно сказала Недолеченная Дама.

– Че-е-его? – спросила Таня недоверчиво.

– Воспринимай это как пророчество! – щурясь, сказала Недолеченная Дама.

Она взмахнула руками – длинные рукава взметнулись, как крылья чайки, – и исчезла, оставив Таню в недоумении.

«Так, спокойно! Чего я психую раньше времени? – сказала Таня себе. – Надо посмотреть статистику по сбывшимся пророчествам привидений. То ли седьмой, то ли восьмой том «Книги духов». Если мне не изменяет память, три четверти их пророчеств – полная лажа».

Все же Таня была взволнована. Несколько минут она просидела в глубокой задумчивости, после чего заставила себя выбросить пророчество Недолеченной Дамы из головы. Кто даст гарантию, что жена Ржевского это не выдумала? Фантазия у нее богатейшая, а скромный корабль логики давно утонул в пенных водах неумемного воображения.

Неожиданно со стороны лестницы появился пухлый купидон с кожаной сумкой. В полутьме Зала Двух Стихий кожа купидона казалась зеленоватой. Множество глаз уставилось на амура. Тот наискось пересек зал, далеко обогнул массивную люстру, в кованом кругу которой пылали факелы, и уверенно направился к Тане. Зависнув на трепещущих крыльях, он уронил ей на колени конверт, сразу развернулся и улетел.

- Странный купидон, - со знанием дела заявил Коля Кирьянов.

«До чего же эта мелочь любит важные интонации!» - подумала Таня.

- Почему странный?

- Ну как? Прилетел во время обеда. Еды везде полно всякой, а он не стал попрошайничать. Где логика?

- А если с ним уже расплатились? - предположила Таня.

- Какая разница? Ты только подумай: сколько вокруг еды. Не слишком похоже на купидона - вот так вот взять и улететь от хорошей жизни. Не-а, странно, - заявил Коля Кирьянов.

Таня подумала, что он прав. Дождавшись, пока общее любопытство уляжется и все вновь уставятся в тарелки, она распечатала конверт и быстро взглянула на письмо. Оно было совсем коротким - всего одна строчка.

«Сегодня в полночь жду тебя на побережье у Серого Камня.

Ванька»

Обычно от счастья не умирают, однако Таня была близка к этому. Как же много может сказать обычный тетрадный лист. Выходит, Ванька решил хотя бы на время, пусть на одну ночь вырваться из своей глуши! Оставил лешаков, Тангро, оставил жеребенка, которого ему подарили два месяца назад (обычный немагический жеребенок, тонконогий, с белым пятном на носу - будто в краску влез), и теперь мчится в Тибидохс на своем древнем пылесосе, по которому

скучает любая свалка.

В полночь на побережье у Серого Камня! Это романтика, которую почти нереально ожидать от Валялкина. Неужели, правда, соскучился и взялся за ум? Прежний Ванька назначил бы ей встречу где-нибудь у клеток с гарпиями. Он лечил бы гарпий от кровососущих паразитов, которых у тех полно под крыльями. Гарпии в благодарность покрывали бы его заборной бранью и плевались бы слюной, после которой остаются ожоги.

Таня невольно засмеялась, прижимая листок к колену. Угол бумаги трепетал: должно быть, кто-то из находившихся сейчас в Зале Двух Стихий проявлял любопытство. Таня наугад послала легкий икательный запук, но, кажется, ни в кого не попала. Но все же предупреждение подействовало. Ее письмо оставили в покое.

Видя, что Таня смеется, впечатлительный Коля Кирьянов не выдержал и захохотал. Соседний стол опустел, как если бы кто-то методично прошелся по лавке из пулемета. Пятикурсники сыпались так же, как и третьекурсники. Против Коли не существовало эффективных блоков. Тане повезло. Она сидела близко к Кирьянову и находилась от него в «мертвой», непростреливаемой магией зоне. Ее лишь слегка подбросило и опустило на прежнее место.

К Коле Кирьянову подполз Тарарах, за ногу сдернул его и, перекинув животом через плечо, понес.

– Пойдем-ка, братец, ко мне в берлогу! Ты там успокоишься, и все будет славненько, – прогудел он.

В голосе Тарараха раздражения не было, только бесконечная доброжелательность. Разве бедный мальчик виноват, что его смех и слезы выкашивают магов как коса Мамзелькиной, правда, не с таким летальным исходом? Кирьянов бывал в берлоге у Тарараха уже не в первый раз. Даже помогал ухаживать за животными. Со временем из него вполне может вырасти новый Ванька.

* * *

После письма Таня уже не могла успокоиться. Она постоянно думала о Ваньке и не понимала содержание конспектов по ветеринарной магии, которые пыталась читать, чтобы отвлечься. То есть отдельные слова-то она осознавала и могла объяснить, но общий смысл упорно ускользал. Даже простейшее предложение: «Волосы, добровольно состриженные с ушей у лешего и добавленные в ведро воды, выдержанное три ночи на лунном свете, по сообщениям античных источников, являются эффективным средством против радикулитов у крупного рогатого скота, хотя проблему нельзя считать до конца изученной и она продолжает нуждаться в углубленном изучении» – ей пришлось прочитать раз восемь, прежде чем она разобралась, о чем идет речь.

«Нет, сегодня заниматься уже бесполезно. Все равно ничего не запомню», – подумала Таня, отправляя тетрадь с конспектами в полет, завершившийся в ивовой корзине.

Она надела комбинезон, распахнула окно и, убедившись, что Поклеп не караулит во дворе школы, проскользнула на контрабасе между башнями Тибидохса. Обходить полетные блокировки они с Ягуном научились давно. Проплыла выщербленная, со сбитыми зубцами, со следами былых осад стена, знакомая Таньке так, что она с закрытыми глазами, лишь ощупывая сколы зубцов, могла бы сказать, где находится. Сколько раз они бродили здесь с Ванькой.

Во рву лицом вниз плавал раздувшийся синий утопленник. Непривычный первокурсник пришел бы в ужас, но Таня знала, что это всего лишь водяной, причем не мертвый, а натрескавшийся рыбы и дремлющий. Именно к этому водяному Поклеп жутко ревновал Милюлю. Однажды дело дошло до того, что он едва не вскипятит ров искрами. Милюля, помнится, хихикала и говорила всем: «Мой Клепа – жу-ю-юткий мавр».

Согнув левую руку в локте, Таня прижалась к контрабасу. Прильнула к нему щекой, ощутила прохладную и ободряющую сухость полировки. Она часто так делала, сама не зная зачем. Это стало частью одного из множества ритуалов, которыми невольно обзаводится всякий маг. Ритуалы и приметы – с какой ноги встать, на какую ступеньку не наступать или наступать, на какое место не садиться или садиться, какого зуба касаться языком, когда вытягиваешь билет на экзамене...

Контрабас был чутким и нервным. Он реагировал на любое движение смычка, на положение тела, даже на наклон головы. Когда инструмент разгонялся,

достаточно было отставить всего лишь палец на руке, сжимающей смычок, чтобы контрабас начал плавно разворачиваться. Иногда Тане казалось, что он способен слышать мысли и реагировать на настроение.

Досадный порывистый ветер с юго-запада дул Тане в спину и гнал ее вперед как судно под парусом. Вроде как помогал, но на самом деле мешал. Подгонял так стремительно, что все время сбивал с курса. Нос контрабаса разворачивало вниз. Исправляя курс, Тане приходилось нацеливать смычок с большим запасом, чем она делала бы это в безветренную погоду.

Таня была уже недалеко от драконьих ангаров, когда ее внимание привлекли сразу несколько белых вспышек Грааль Гардарики. Заинтересованная этой странностью, Таня перестала снижаться и, вскинув руку со смычком, заставила контрабас набрать высоту. Ей представилось, что это мог прилететь Ванька, хотя в этом случае вспышка была бы всего одна и совсем не белая. Однако Таня была слишком взбудоражена возможностью скорой встречи, чтобы рассуждать логически. Пригнувшись к грифу контрабаса, она произнесла: Торопыгус угорелус и устремилась навстречу вспышкам.

«Помчусь ему навстречу, будто на таран, а потом резко наберу высоту. Если же он свалится, я успею его подстраховать шмякисом брякисом», – прикинула она.

Однако все оказалось не так просто. Таня была уже в какой-то сотне метров, когда стало ясно, что никакой это не Ванька, а несколько склепов Магщества Продрыглых Магций. Склепы уверенно летели прямо на Таню. Она видела круглые головы магфицеров. За ними в ряд маячили пепелометчик с помощником, боевой маг и три стрелка из сглаздаматов. Над склепами на шестах завывали сирены проблескового ужаса. Заметив несущуюся на них Таню, сглаздаматчики взяли ее на прицел. Боевые маги припали к шарам. Засуетились и пепелометчики, разворачивая в сторону Тани свои громоздкие агрегаты. Пятьдесят метров, тридцать...

Каменные склепы не сворачивали. Магфицеры не делали попыток изменить направление. Таня поняла, что ее легкий контрабас сейчас просто размажут. Она обхватила гриф левой рукой и, бросив его вниз, чтобы не попасть под случайный выстрел, ушла от лобового столкновения. Склепы пронеслись над ней, рассекая воздух. Контрабас завертело и, лишь увеличив и без того немаленькую скорость, Таня обрела контроль над инструментом.

Не делая попыток преследовать ее, склепы Магщества пронесли к Большой Башне Тибидохса. Лишь сглаздатчики выцеливали Таню, пока она оставалась в зоне огня. Таня зачем-то сосчитала склепы. Их было пять. Четыре, расположенные каре, и один, огромный, бронированный, окруженный двойным кольцом магической защиты, в центре. Кого перевозил бронированный склеп, определить было невозможно. Все опознавательные знаки отсутствовали. Склеп был наглухо закрыт и непроницаем. Лишь для пилота имелось небольшое окошко в передней части, да сзади была башенка с торчащими в ней дулами счетверенного сглаздатата такого устрашающего калибра, что одним выстрелом можно, вероятно, не только сглазить мага, но и навеки проклясть пятиэтажку подъезда в три.

Проследив направление кортежа, Таня сообразила, что он летит на луг у Большой Башни, который в дни встреч всевозможных делегаций используется как посадочная площадка. Навстречу склепам Магщества из главных ворот Тибидохса уже направлялось несколько точек – две маленькие и три большие. Скорее всего, кто-то из преподав и несколько циклопов охраны. Большой спешки и суеты в их движениях не наблюдалось, из чего Таня заключила, что прибытие склепов не стало неожиданностью для руководства Тибидохса. Будь это иначе, Грааль Гардарика никогда не впустила бы посторонних, да еще и вооруженных до зубов магов.

«Натуральные идиоты!» – буркнула Таня. Мысль, что она могла погибнуть так глупо и неосторожно, настигла ее только сейчас. Страх запоздало пришел и постучал в запертые двери.

Вспомнив, что она направлялась в драконьи ангары, Таня вновь развернула контрабас. Как всегда с ней бывало после неоправданного риска, теперь она летела с удвоенной осторожностью и даже отказалась от своего обычного опасного маневра при посадке. Маневр состоял в том, что Таня, не снижая скорости, рискуя контрабасом и головой, пролетала в узкую щель между столбом, страхующим охранную магию поля, и стеной ангара.

Тренировка должна была начаться не раньше, чем через час. Драконбольное поле пока пустовало. Лишь на трибунах кое-где заметны были группы учеников, в основном младшекурсников, пришедших заранее, чтобы посмотреть на игру. Почти в каждом из зрителей жила надежда, что Соловей его заметит и оценит. «Эй, малый, иди сюда! У нас защитника нет! Слушайте, а у парня дар! Какой перевертон! Срочно в команду!»

Конечно, случалось такое раз в сто лет, но если очень ждать и надеяться, то и сто лет не такой уж большой срок.

Спешившись, Таня отправилась искать Соловья. Для начала она поочередно заглянула в оба ангара, в одном из которых Гоярын разгонял струями пламени драконюхов, а в другом резвились его великовозрастные сыновья. Старого тренера в ангарах не оказалось. Это Таня поняла еще раньше по поведению джиннов. Драконюхи двигались вяло и работали неохотно.

Многие лентяи, побросав ведра и лопаты, валялись на куче песка (точнее, учитывая природу джиннов, над кучей песка) и курили трубки. Курящий джинн – это совсем не то же самое, что курящий лопуховид. Человек втягивает дым и выдыхает его. У джинна же дым остается внутри и, медленно смешиваясь со влажным туманом, составляющим тело, странствует, принимая очертания людей, животных, камней и всего, что придет джину в голову.

«Если вы потребуете у меня выразить сущность джинна двумя предложениями, то вот они: «Не существует нормального джинна, равно как не существует и ненормального джинна. Джинны вечно плавают между двумя берегами», – вспомнила Таня слова Сарданапала.

Когда она проходила мимо бездельничающих джиннов, те лишь лениво приподняли припухшие веки. Ни один не сделал попытки потянуться к лопате.

«Только Соловья и боятся. Даже на Тарараха, по-моему, плевали», – подумала Таня с досадой.

Прикинув, где может быть тренер, она через поле отправилась к раздевалкам. Навстречу ей ветер гнал по песку растрепанный лист. Сама не зная зачем, Таня наклонилась и поймала его. Это оказалась страница, вырванная из книги или, скорее, из журнала.

Текст не имел ни начала, ни конца, но все же Таня прочитала его:

«Некромаг не знает слова «нет».

Некромаг всегда идет до конца.

Некромаги не боятся одиночества.

Основное отличие мертвяка от некромага: некромаг мертв всегда.

Некромаги не боятся любить и ненавидеть.

Некромаги не сомневаются. Они действуют.

Некромаг любит ночь.

У некромагов отсутствует брезгливость. Они способны спать в разрытой могиле на груде костей.

Некромаги никогда не меняют своих планов, какими бы бредовыми они ни были.

Некромаги способны на спонтанные поступки.

Некромаг подобен стреле, выпущенной в цель. Если цель по какой-то причине исчезает, существование стрелы теряет смысл.

Некромаги не любят себе подобных. Когда на одной тропе встречаются два некромага – один должен погибнуть. (Исключение: некромаги разного пола или некромаги, выросшие вместе.)

Дух некромага, который убил себя сам или был убит более сильным некромагом, переселяется в победителя.

Некромаги однолюбы.

Дыхание некромага убивает мелких животных.

Поцелуй некромага не забывается.

Драконы и лошади интуитивно ненавидят некромагов.

У некромагов не бывает детей.

Некромаги никого и ничему не учат. Они самодостаточны и эгоистичны в своем знании. Некромаг, который выбрал ученика, готовится к ...»

Таня скомкала лист и сунула его в карман. Вопросы, как лист попал на поле и почему она решила поднять его, она себе не задавала. Всякому магу еще на первом курсе Тибидохса раз и навсегда вбивают в голову, что случайностей не бывает. Каждую минуту нам даются ответы, и надо только понять, на какой именно вопрос.

* * *

Нырнув в промежуток между двумя секторами, Таня вошла в раздевалку.

Соловей, маленький, седой, кривобокий, сидел на деревянной лавке и разглядывал что-то, низко наклонив голову. Таню он не замечал. Дверь, на пороге которой стояла Таня, находилась за его спиной. Отсюда, от дверей, Соловей внезапно показался Тане состарившимся мальчиком, уставшим, покалеченным, но все таким же неунывающим и озорным. Она вдруг испытала к старому тренеру острую любовь, смешанную с жалостью. Нечто подобное она порой чувствовала и к Ваньке.

Не окликая Соловья, Таня приблизилась и заглянула ему через плечо. Ей было интересно, на что он смотрит. Ощувив, что кто-то стоит у него за спиной, Соловей с досадой обернулся. С его губ почти сорвался гневный возглас, когда он узнал Таню.

– Привет! Что-то ты сегодня рано, – сказал Соловей, смягчаясь.

Таня была его любимицей. Сердиться на нее он не умел, разве только ворчал иногда, когда во время разбора игры она не понимала тот или иной тактический замысел.

– Я хотела... В общем, наверное, ничего не хотела. Просто не знала, чем заняться, – проговорила Таня. Сказать правду всегда проще, чем выдумывать

громоздкие объяснения. Соловей кивнул.

– А я вот смотрю старые фотографии. Не хочешь взглянуть? – после короткого колебания он протянул Тане снимок.

Она взяла пожелтевший четырехугольник картона. Снимок был черно-белый, поспешный, не оживающий, не столько снимок, сколько случайный щелчок лопухоидным фотоаппаратом. Похоже, кто-то из зрителей запечатлел один из моментов матча, когда игроки приблизились к его трибуне.

Весь первый план занимал громоздкий великан со множеством глаз, использующий в качестве полетного средства дубину размером со ствол молодой сосны. За его спиной виднелся еще кто-то, однако Таня в него особо не вглядывалась.

Соловей осторожно наблюдал за Таней.

– Узнала? Аргус. Стоглазый страж. Монументален, не правда ли? – сказал он.

Таня не спорила.

– Да, крупный дядя. Поле загромождает прилично. А кто другой?

Соловей ответил не сразу.

– Хочешь сказать, что не узнаешь?

– Не-а.

– А ты попытайся!

Получив подсказку, Таня вгляделась во второго игрока. Немного смазанная, голова его была обращена к ней ухом. Можно было догадаться, что у игрока курчавые волосы и одет он в старомодный комбинезон. И лишь когда Таня увидела, на чем он летит, ее пронзило острое, как боль, прозрение. Таня узнала бы свой контрабас из тысячи.

– Папа? – спросила Таня с тревогой узнавания. Слишком много разных чувств это в ней пробудило. Вины, тоски, радости, невозвратной потери.

Соловей кивнул.

– Да, точно. Это Леопольд. На том матче сборной вечности с бабаями, который теперь проходят на уроках магстории. Один паренек весь матч щелкал на мыльницу.

– А какой он был? – спросила Таня. Сам по себе вопрос был банален, но кто виноват, что все важные вопросы в этом мире уже заданы?

Ответ Соловья оказался неожиданным:

– Твой отец? Хм... Лео был беспокоен, непоседлив, немного пижон, часто тянул одеяло на себя, но умел думать. Причем не только за себя, но и за всех. Он часто видел то, что у него за спиной, но абсолютно не видел того, что у него перед носом. Такой дар есть не у многих.

Таня удивилась, но тотчас поняла, что Соловей говорит о ее отце как об игроке в драконбол. Разумеется, ведь для Соловья эта часть личности ее отца была главной.

– Да, Лео умел соображать. Он ощущал матч от начала до конца как единое целое. Всегда знал, когда нужно атаковать самому, а когда лучше отдать пас. Никакого мелочного самолюбия, только интересы команды. Был смел и эффективен. В сборную вечности, как ты догадываешься, попадают не за греческий нос и красивые уши.

– А еще? – жадно спросила Таня.

Старый тренер задумался. Единственный его глаз переместился с фотографии на Таню.

– Видишь ли, быть просто ловкой и просто быстрой мало. Мало уметь поймать заговоренный пас и нырнуть под струю пламени прежде, чем тебя поджарят. Главное: ощущать ткань матча, его динамику, его развитие. Матч – как человек:

у него есть всплески, есть ровное течение, а есть глубокие провалы. Ты же знаешь, как это бывает. То все ползает, как сонные мухи, то злятся друг на друга, то гадят, как Горьянов когда-то гадил Ягуну. Бывает, настроение у всех на нуле и, кроме как в раздевалку, никто никуда не хочет. Хоть палкой их бей – не проснутся. Так вот, твой отец Лео был душой команды. Даже очевидные лентяи в его присутствии играли лучше, чем всегда.

– А как он этого добивался? – спросила Таня.

Как начинающий тренер (Соловей часто оставлял на нее ученическую команду Тибидохса, когда ему нужно было отлучиться), Таня отлично понимала, о чем речь. Дело было не в том, что стоило Соловью удалиться, ученическая команда сразу начинала сачковать и филонить, а сыновья Гоярына, переставая летать, предпочитали поваляться на разогретом песке. Существовали какие-то общие стихийные настроения, которые вдруг разом охватывали всю команду. Это мог быть ровный результативный накал игры, но чаще это бывали агрессия, лень, уныние, равнодушие, и тогда даже талантливые игроки начинали играть в треть силы.

Соловей провел пальцем по длинному шраму, рассекавшему лицо. Центром шрама был пустая глазница.

– Драконбол – игра командная. Даже пять отличных игроков-индивидуалов мало что смогут сделать против слаженной команды среднего уровня, которая мыслит как единое целое. Но добиться этого крайне сложно. Люди, объединенные в команду, поначалу существуют по законам толпы. Пусть маленькой, но толпы.

– И что тут дурного? – спросила Таня.

– Плохо то, что толпа по определению глупа. Собери толпу – пусть даже из тысячи профессоров и академиков, – и как единое целое она будет глупее десятилетнего мальчишки. Дай такой толпе самого заурядного пастуха, который будет изредка пощелкивать кнутом или бросать в толпу куски сахара, и он погонит ее куда угодно, хоть на бойню.

– И мой отец был таким пастухом? – спросила Таня с обидой.

– Нет. Лео был реалист. Он понимал, что никто не способен несколько часов подряд остервенело носиться за мячиком. Даже у подготовленного игрока существуют реальные физические возможности, через которые перешагнут разве только полубоги, некромаги и кое-кто из нежити. Бывает враг, которого можно раздавить сразу, в первые минуты. Но если у них хороший дракон и надежная защита: а в Высшей Лиге только так и бывает, лучше придержать силы и попытаться измотать противника. Пусть он растеряет сильных игроков, выбросит из колоды козырей, даст считать свою тактику, а тогда уже можно и в атаку.

– Разве это честно?

– Это абсолютно честно, особенно в матчах Высшей Лиги. Нечестно использовать игроков, типа Кэрилин Курло или О-Феи-Ли-И, которые своей магией выщелкивают твою команду, точно из обреза. Для таких вот Курло и приходится держать собственных костоломов, а это превращает драконбол в бои магических гладиаторов, – внезапно крикнул Соловей.

Старый тренер вскочил и, прихрамывая, заметался вдоль шкафчиков. Маленький, кособокий, взъерошенный, он походил на воробья, только что искупавшегося в луже. Спohватившись, что это мысль довольно сомнительного толка, Таня поспешно экранировала сознание. Мало ли, к каким последствиям это приведет? Начальство принято уважать. Если не уважаешь начальство, либо оно хиреет и чахнет, либо хиреешь и чахнешь ты.

Однако Соловей был мало склонен копаться в чужих мыслях. У него было слишком много собственных.

– Драконбол вырождается! Я отдал ему всю жизнь, и мне грустно наблюдать, как он медленно умирает. Вскоре он либо окончательно превратится в магический мордобой, когда восемь из десяти игроков будут сглажены в первые же пять минут матча, а остальных испепелят чуть позже, либо станет заурядным шоу с драконьими салютами, хвастунами на новых пылесосах и красивыми ведьмочками, которые станут кривляться вдоль арены, воображая себя «группой поддержки». Зрители же, окруженные тройным рядом циклопов, будут скромно пить морковный сок. Причем сок будет в самоутилизирующихся картонных пакетах, чтобы не было соблазна запустить бутылку кому-нибудь в голову. Нет, я не хочу дожить до минуты, когда драконбол выродится на самом деле.

Таня слушала, вбирая каждое слово. Услышать от молчаливого Соловья такой длинный монолог можно было нечасто.

– И что вы собираетесь сделать, чтобы помешать ему выродиться? – спросила она.

Соловей грустно усмехнулся.

– Я уже предпринял то небольшое, что было в моих силах, – произнес он после долгого молчания.

– Что именно?

– Сегодня утром я вызвал сборную вечности. Матч со сборной вечности – это всегда страница истории. Его помнят долго. Это тот эталонный драконбол, который не забывается. Я скромно надеюсь, что это хоть что-то изменит, – сказал он просто, будто сообщал о совершенном пустяке.

– Вы вызвали сборную вечности? Вот так вот просто? – спросила Таня недоверчиво.

Она знала, что ритуал вызова сборной вечности чудовищно сложен. В нем должно участвовать не менее семи магов, сменяющих друг друга, и длится он примерно неделю. Обычно вызов сборной вечности происходит торжественно, в центральном зале Магщества. Магзеты начинают писать о нем за полгода, зудильники верещат не переставая. А тут раз! – так быстро и просто. Таня не верила.

Соловей коснулся ее руки.

– Ты плохо знакома с высшими формами магии, девочка моя. Да, ритуал сложен, но только если это парадный ритуал. Глобально же он лишен смысла, как лишена смысла армия циклопов с дубинами в век пепелометов, ковров-самолетов и заклинаний всеобщего уничтожения. Есть и более краткие формы вызова. Правда, они обычно связаны с необходимостью жертвы. Предполагается, что если маг готов оплатить вызов собственной кровью, такие заявки рассматриваются загробной канцелярией в первую очередь...

– То есть нужно порезать себе ладонь, чтобы вытекло несколько капель крови? – наивно спросила Таня.

Старый тренер усмехнулся.

– Примерно так, – сказал он и показал ей левую руку. Таня с ужасом увидела, что мизинец на ней отрублен, а рана завязана окровавленной тряпкой.

Таня задохнулась.

– В сущности, мизинец мы используем не так уж и часто. Самый пустой и ничтожный палец, – равнодушно пояснил Соловей.

– Вы отрубили себе палец, чтобы принести жертву?

– Назвать жалкий палец достойной жертвой – громко сказано. Я лишь добился того, что мой вызов услышали. Через двадцать дней, ровно в одиннадцать утра, сборная вечности материализуется на драконьем поле Тибидохса. Но не хочу тебя обнадеживать, Таня. Леопольда среди игроков не будет. И ты знаешь, почему, – сказал Соловей.

Таня наклонилась и подняла фотографию, выпавшую из руки тренера. Хорошо, что у нее была короткая пауза, чтобы не смотреть на Соловья. Хотя бы потому, что она знала: Соловей тоже будет избегать ее взгляда. Самые глубокие сердечные раны лучше зарастают в одиночестве. Любой друг, любой близкий человек лишь способен наклеить на них кусок лейкопластыря, не более.

– Он позволил мне забросить мяч. Сборная вечности не прощает таких вещей. Даже один пропущенный мяч – пятно на их репутации, – сказала она.

Сквозняк раскачивал металлическую дверцу пустого шкафчика. Соловей, не любивший скрипа, захлопывал его, но дверца вновь открывалась. Звук повторялся.

– Я разослал приглашения в Магфорд, бабаям, гандхарвам, много кому. У всех тренеров я прошу прислать их лучших игроков. Сборная мира против сборной вечности. Не думаю, что найдется тренер или просто любитель драконбола, у

которого не дрогнет сердце, когда он услышит о таком матче, – сказал Соловей.

– И Пуппер будет? – спросила Таня, пытаясь сообразить, кто конкретно может собраться, чтобы противостоять сборной вечности.

Соловей пожал плечами.

– Не знаю. В идеале хорошо бы, а там, если магфордский тренер отпустит.

– А может не отпустить?

– Слишком большой риск. По общей статистике игр со сборной вечности, за последние двести лет тридцать процентов игроков получали инвалидность, а еще десять отправились на кладбище. Правда, последние несколько матчей жертв удавалось избежать, но кто его знает? Сборная вечности ни с кем церемониться не станет. Для тебя принципиально, будет ли Гурий в сборной мира?

Таня, помедлив, покачала головой. В сравнении с тем, что сегодня в полночь она увидит Ваньку, остальное действительно мелочи.

– Гурий несчастный, – сказала она.

– Кто несчастный? Пуппер? – удивился тренер.

– Да, но вам не понять. Ни один мужчина не способен поверить, что богатый и успешный человек может быть глубоко несчастен, – укоризненно сказала Таня.

Соловей усмехнулся.

– Если ты такая добрая, отправляйся в человеческий мир и жалея бомжей. Это будет хотя бы последовательно.

– Почему?

– Ты не задумывалась, почему жалеть успешных Гуриков выстраивается очередь, а на бомжей, стариков и сирот, которые действительно нуждаются в жалости, всем плевать? В лучшем случае обойдут их метров за десять и не пнут ногой. И вообще осторожнее с жалостью, девочка. Поверь моему скромному многовековому опыту: жалость разбила в этом мире больше судеб, чем все стрелы и мечи вместе взятые. Со временем любые раны затягиваются сами, жалельщики же их только растравливают. Опять же те, кого жалеют, подсаживаются на жалость, как на иглу, и сознательно начинают создавать поводы для жалости. Замкнутый круг – любимая геометрическая фигура идиотов, – насмешливо сказал Соловей.

Таня ничего не ответила, однако подумала, что ее вновь поняли неправильно. То, что Гурик несчастный, вовсе не означает, что конкретно она, Гроттер Татьяна Леопольдовна, собирается записываться в очередь дамочек, стоящих с носовыми платками и одноразовыми салфетками.

– Выбрось все лишнее из головы и готовься! С сегодняшнего дня у тебя начинается тяжелая жизнь. Две тренировки в день плюс вечером занятия по индивидуальной программе. Экзамены, болезни, личная жизнь – все это меня не интересует. Любую уважительную причину заведомо объявляю неуважительной. Хотя бы тебе пришлось вытаскивать Сарданапала из пропасти на веревке. Видишь, что опаздываешь, – обрезай веревку, ноги в руки и марш сюда!

Таня улыбнулась. Другого она не ожидала. В своей страсти к драконболу старый тренер не брал пленных.

– Вы очень добры, – сказала она.

– Те, кого я грабил когда-то на прямоезжей дорожке, тоже так считали. Подозреваю, именно тогда и возникло выражение «просвистеть денежки», – согласился одноглазый тренер. – Погода меня тоже не волнует. Хоть дождь с градом, хоть ураган – ты должна быть на поле. Лучше если ты сейчас умрешь от насморка или перегрузок, чем через двадцать дней от драконьего пламени. Вопросы есть?

– Только один.

– По существу?

- Надеюсь. Кто будет десятым игроком сборной вечности вместо папы?

Единственный глаз тренера вскинулся на нее. Таня ощутила ожог. Соловей был сильным магом.

- Почему ты спросила именно об этом? - подавшись вперед, хрипло произнес тренер.

- А что тут такого? Я только хочу понять, против кого придется играть.

Тренер некоторое время пристально смотрел на Таню, затем моргнул и отвернулся.

- Прости... Ты сама не представляешь, о чем сейчас спросила. От того, кто будет десятым игроком, зависит не только судьба матча. И это все, что я тебе сейчас могу сказать. Прости! - буркнул он.

В раздевалку просунулась румяная физиономия Маши Феклищевой. Два верных пажа из третьекурсников тащили за ней щелкавшее зубами чучело крокодила.

- Привет! А я думала, тут никого! Здравсьте, Соловей Одихмантьич! Привет, Тань! - сказала она зашкаливающе бодрим уличным голосом.

Таким голосом говорят только молодые радостные люди, когда, запыхавшись от бега, появляются на пороге. Это их визитная карточка.

Соловей оглянулся на Таню и быстро поднес палец к губам. Таня поняла, что о матче со сборной вечности он расскажет команде сам и в другое время.

Без особой цели, просто желая занять руки, Таня сунула ладонь в карман и ощутила скомканный бумажный лист. Интересно все же, как он оказался на поле? Джинны читали?

- А некромаги когда-нибудь играли в драконбол? Я имею в виду - на профессиональном уровне? - спросила она просто так, из озорства.

Металлическая дверца шкафчика, которую Соловей собирался захлопнуть, внезапно оторвалась и осталась у него в руке. Некоторое время тренер с недоумением разглядывал ее, затем отбросил и вышел.

Глава 2

Серый камень

Всякое чувство и всякое удовольствие нужно прекращать на пике. Тогда оно запомнится. От крошечного кусочка торта удовольствия всемеро больше, чем от целого торта, который тебя заставят съесть под ружьем.

Личные записи

Сарданапала Черноморова

Когда после тренировки Таня прилетела в Тибидохс, по коридорам школы на дрожащих паучьих лапках бродили слухи. Они вползали во все двери, забегали в путанные проходы и поднимались по лестницам, на ходу обрастая паутиной подробностей.

Все уже знали, что Магщество доставило в Тибидохс нечто чудовищно важное и что преподаватели совещаются в кабинете Сарданапала. Склепы Магщества находились пока на прежнем месте – у подъемного моста. Из главного, бронированного, склепа так никто и не вышел. Сглаздаматчики окружали его четырехугольником, никого не подпуская. По углам четырехугольника они установили пепелометы.

Слухи распространяли все, кому не лень. Особенно старался поручик Ржевский. Он сунулся было к боевым магам, надеясь, что как призрак пролезет куда угодно, но его немедленно дрыгнули-брыгнули, причем так капитально, что он едва не утратил сущность.

– Хорошо еще, что я, как благородный человек, пропустил вперед жену! Она у меня особа шустрая, смылась первой, так что овдоветь опять не удалось! – охотно пояснял он всем, кто интересовался.

Интересовались, увы, немногие.

Заметив на балкончике Большой Башни Тарараха, Таня подлетела к нему. Питекантроп был не в духе. Он стоял, облокотившись о перила, ковырял в зубах и сердито сплевывал вниз, на брусчатку.

– Добрый вечер, Тарарах! – сказала Таня, притормаживая у балкончика.

– Два раза в день здороваются только подхалимы. Или если кому-то не терпится что-нибудь разнюхать, – пробурчал питекантроп.

Он взял Таню за пояс, приподнял над перилами и, помогая ей не разбить инструмент, осторожно поставил рядом с собой. Таня перехватила контрабас за гриф.

– Ты меня разоблачил. Я надеюсь разнюхать, – сказала Таня.

– Знаю, даже сочувствую, но сказать тебе ничего не могу. Сарданапал связал нас Разрази громусом! – заявил честный питекантроп.

– Клятва есть клятва. Я и так догадываюсь, что привезли артефакт, – сказала Таня.

– Артефакт? Да леших с два артефакт! – горячо воскликнул Тарарах. – Скажу только одно: академик прав. С нами поступили по-свински. У них есть Дубодам? Вот пусть бы они там и... – спохватившись, что сказал слишком много, питекантроп замолчал.

– Что «и...»? – быстро спросила Таня.

Тарарах упрямо мотнул головой, и Таня поняла, что это всё. Больше об этом он не заговорит, как ни хитри. Хотя, если задуматься, она и так уже выяснила немало.

– Усыня, Горыня и Дубыня снова взялись за старое. Ставят в лесу самострелы на оленей. Если окажешься в лесу – будь начеку. Охраннички, елы-палы... Разберусь

я с ними! – хмуро сообщил Тарарах.

Таня попыталась представить, как Тарарах, не обладая особой магией, будет разбираться с тремя великанами. Другое дело Медузия. Усыня, Горыня и Дубыня боятся ее до дрожи.

– Мальчикам не хватает протеина, – заметила Таня.

– Мальчикам не хватает мозгов. Вчера я чудом не схлопотал стрелу в голову. Двухметровая дрянь с деревянным наконечником... Прикрутят самострел намертво к дереву, а веревку у земли листвой закидают.

Таня кивнула. Ей вспомнилось письмо, которое Ванька написал месяца полтора назад.

– Лесники охраняют лес от браконьеров, но никто не охраняет его от самих лесников... – процитировала она по памяти.

– Никто, кроме леших и самого Ваньки, что уже неплохо, – поправил Тарарах.

Вернувшись в комнату, Таня стянула драконбольный комбинезон и озабоченно оглядела его. М-да, эти грязеочищающие заклинания не так уж и полезны. Одежда от них теряет цвет, съеживается, нитки расползаются, и после двадцатого заклинания вещи выглядят как после сороковой стирки. Неизвестно еще, что лучше.

Недаром Пипа с Гробыней дразнили когда-то Таню, утверждая, что если бросить где-нибудь в коридоре свитер и джинсы, то можно не сомневаться: рано или поздно в них заползет Гроттерша. Конечно, времена меняются, но привычки остаются. Равнодушная как и прежде к одежде, Таня все же понимала, что на матч со сборной вечности нельзя выходить в комбинезоне, который не выдержит струи драконьего пламени даже на излете. Упыря же желчь средство хорошее, но далеко не универсальное.

«Надо что-то решать», – мельком подумала Таня, однако уже понимала, что сейчас, в эту минуту, ничего решать не будет.

До полуночи оставалось еще много времени. Таня заглянула к Ягуну, однако играющего комментатора в комнате не оказалось. На двери висела записка: «Вернусь через пять минут», однако та же записка висела и три часа назад. Насколько Тане было известно, эту универсальную записку Ягун вывешивал вне зависимости от того, уходил ли на час или смывался куда-нибудь дня на три.

«Интересно, куда подевался этот типус?» – подумала Таня. Можно было, конечно, спросить у Лотковой, но не факт, что Катька и сама знает. Ягун трепетно оберегал свою личную свободу от всех, в том числе и от собственной девушки.

Толкнув дверь Ягуна, которая от нее никогда не запиралась (а вот не в меру любопытные младшекурсники мигом напоролись бы на охранное заклинание), Таня с порога посмотрела на выпотрошенные внутренности десятка пылесосов и вышла.

* * *

В десять вечера Таня оторвалась от конспектов по высшей магии и распахнула окно. Она не могла просто так сидеть и ждать. А вдруг Ванька прилетит раньше? Лучше уж побродить по побережью, послушать океанские волны...

Контрабас бесшумно выскользнул наружу. В несимметрично расположенных бойницах соседней Башни Призраков мелькали голубоватые огоньки. У подъемного моста громко переговаривался караул циклопов. В ручищах у одноглазых гигантов распускались оранжевые цветы факелов.

Склепы Магщества исчезли. Похоже, магфицеры уже передали опеку над тем, что охраняли, Сарданапалу и поспешили удалиться, пока глава Тибидохса не передумал.

Ощувив укоризненное покалывание защитной магии, Таня перелетела стену, и вот она уже над парком. Белеют при лунном свете посыпанные песком дорожки. Поначалу скученные, трусливо жмущиеся, дорожки быстро разбегаются и теряются в зарослях. Здесь, в круглой рощице, проходит граница, которую не отваживается пересекать наглая нежить. Парк, находящийся под охраной давней магии Древнира, не их территория. Исключения составляют домовые,

русалки с водяными, к которым преподаватели относятся более-менее нормально, и наглые хмыри, рыскающие повсюду, где есть чем поживиться.

Пролетев над буреломом и скалами, Таня оказалась на побережье. Внизу всё уже сливалось. Туман проглатывал линию берега, и казалось, что скалы растут прямо из воды, являясь продолжением океанской пены.

Таня осторожно снизилась и села. Она шла в тумане, и ей казалось, что она не идет, а плывет в густом облаке. Все было как-то нереально. Если бы ноги не мерзли, Таня вполне могла бы допустить, что побережье – это сонный морок, игра воображения. Однако забившийся в обувь влажный песок и контрабас, с упорством маньяка бьющий ее по коленям, доказывали, что если это и сон, то очень уж правдоподобный.

Серого Камня Таня по-прежнему не видела, однако угадывала, что он где-то рядом. Перстень Феофила зажегся, заискрил и окутался ободом слабого зеленоватого сияния. Защищался от растворяющей сущность темной магии, испускаемой Серым Камнем.

Когда и при каких обстоятельствах на острове Буяне появился Серый Камень, не знал никто. Даже Сарданапал пожимал плечами. Сходились на том, что Серый Камень существовал еще до Тибидохса.

Громада камня уходила в песок. Лишь малая часть была видна на поверхности. Можно было посчитать его частью скальных пород побережья, если бы он внешне имел с ними что-то общее. Скалы легко крошились. Серый же Камень не брало ничего: ни дубины циклопов, ни топор, ни молот. Даже двойные боевые искры он поглощал без какого-либо вреда. Поначалу – много столетий назад – тайна не давала тибидохцам покоя. Но постепенно к ней привыкли и камнем перестали интересоваться. Собственный магический фон валуна был не так уж и велик. Разве что отличался исключительным постоянством. Зимой, летом, в дождь, в мороз камень сохранял однородное магическое поле, имеющее слабый алый окрас. Говорили, что Серый Камень дает силу нежити и заряжает ослабленные темные кольца.

Под ногами у Тани что-то раздраженно пискнуло и шарахнулось в сторону. Таня поняла, что налетела на хмыря, который и сам не различил ее в тумане.

– Сдохнеш-ш-шь! Сгниеш-ш-шь! – мстительно донеслось из темноты.

Таня пустила на голос Мотис-ботис-обормотис и, судя по злобному воплю, не промахнулась. Обещая ей всяческие напасти и скорую смерть в страшных судорогах, хмырь поспешил удалиться. Таня не придавала его угрозам значения. Если бояться всех хмырей, то и жить не стоит. Надо добровольно ложиться в гробик и складывать ручки на животике.

Таня подошла к Серому Камню, который вынырнул из тумана как-то вдруг, точно всплыл из небытия, и провела рукой по его поверхности. Камень был теплее воздуха и, несмотря на туман, совсем не влажный. Таня хотела сесть рядом на песок и прислониться к нему спиной, но перстень предостерегающе обжег ей палец. Он по-прежнему был окутан защитным сиянием.

В тумане, метрах в десяти от Тани, вновь замаячил хмырь. Уже другой, не тот, которого она прогнала обормотисом. Хмырь стоял и смотрел на нее слезящимися жабыими глазами. Затем процедил что-то, развернулся и удалился прежде, чем зеленая искра оторвалась от кольца. Минут через десять подошел еще один, с головой, смахивающей на мятое мусорное ведро. И снова история повторилась. Хмырь постоял, потоптался и удалился, не рискнув приблизиться.

Таня задумалась. Три хмыря сразу – это не могло быть просто совпадением. Существует причина, по которой хмыри ночью подходят к Серому Камню. Может, греются, а может, камень излечивает их от ревматизма.

Ваньки все не было. Немного погодя слева, со скал, скатилось нечто, похожее на кучу тряпья. Словно кто-то сбросил старый пиджак, набитый соломой. Тряпье зашевелилось и, постанывая, точно от зубной боли, поползло к камню. Таня ощутила исходившие от него голод и лютую сосущую тоску.

«Мавка! Порядком ослабленная!» – поняла Таня.

Она подняла перстень, произнесла громоздкое заклинание третьего уровня сложности и очертила мысленную границу. Подпускать мавку ближе было опасно. Почти так же, как и устанавливать с ней визуальный контакт. Энергетическая сущность мавки была липкой. Она хлюпала, булькала и засасывала, как слив завонявшейся раковины. Тянулась и пачкалась, как чужая жевательная резинка, на которую неосторожно сели. Ее невозможно было

отодраться. Она так и расползалась по ткани, составляя с ней единое белесое целое.

Стеная, мавка дважды проползла вдоль незримой границы и удалилась к скалам. Там она и осталась, издавая кошмарные звуки. Если не знать, что это стонет мавка, можно было подумать, что человеку ампутуют ногу тупой пилой.

Пока Таня разбиралась с мавкой, подошла еще пара хмырей, и Тане пришлось доступно объяснить им, что здесь их не любят и не ждут. Фоново же она ощущала себя злодейкой, которая нарушает нежители ее привычные ночные маршруты.

«А Ванька, однако, романтик! Более придурочного места нельзя было придумать, даже нанюхавшись клея! Посидит у себя на Иртыше еще месяца с три и назначит мне свидание при свечах в свежерытой могиле», – подумала Таня.

Подумала, и ей стало совестно, что подобная мысль вообще посетила ее. Нельзя сомневаться в том, кого ты любишь и с кем уже связала свою судьбу. Сомнения возможны лишь на стадии выбора, но не тогда, когда выбор сделан. Причем унизительно это не столько для него, сколько для тебя. Если ты перешел Рубикон и сжег мосты, переходи в наступление, а не пытайся получить в магазине назад деньги за два коробка отсыревших спичек.

Таня вспомнила предпоследнее письмо Ваньки.

«На самом деле все очень просто. Только дураки все усложняют. Наша любовь будет продолжаться до тех пор, пока мы сможем прощать друг другу собственное несовершенство. Умные и зоркие люди мгновенно находят друг у друга кучу недостатков. Любовь же кормится иллюзиями, как младенец материнским молоком. Таким образом, отказ от идеала – разрешить тому, кто рядом, быть не идеальным – первый созидательный шаг ума», – писал Валялкин.

«А он умный! Но все-таки лучше было бы без хмырей!» – оттаяв, подумала Таня.

Последний оставшийся до полуночи час истек медленно и мучительно. Таня мерзла и ходила вокруг камня, злясь на себя. Уважающей себя девушке принято

опаздывать на свидание, а не прибегать на него за полтора часа. Хорошо, что Гробыня не знает. Вот уж кто оторвался бы по полной программе.

Не успела Таня в очередной раз рассердиться на себя, что она сомневается в сохранности интеллекта Валялкина, как высоко над океаном полыхнули радуги Грааль Гардарики. Это он, Ванька! Ее Ванька! Все сразу было забыто. Таня бросилась к океану. Очередной замешкавшийся хмырь, которого она сшибла, даже не заметив, пожелал ей скорой и приятной смерти в камнедробилке. Таня не услышала. Даже то, что она вбежала в океан, она поняла, лишь когда холодная вода обожгла ей ноги.

В разрыв тумана Таня увидела маленькую темную точку. Точка увеличилась, и Таня поняла, что это пылесос. Старый чихающий пылесос Ваньки с обмотанной изолентой трубой. Таня многократно просила Ягуна раздобыть Ваньке что-нибудь нормальное, чтобы он не рисковал жизнью. Бесполезно. Ягун всякий раз горячо соглашался, говорил, что летать на такой рухляди преступление, что он лично соберет Ваньке чудо-машину, которая будет иметь все опции и отвечать всем стандартам. Уже к концу пятой минуты по грандиозности прожектов Ягуна Таня безошибочно понимала, что они так и останутся прожеками и летать Ваньке на его рухляди до глубокой старости. Ягун же не понимал этого и долго еще продолжал бубнить:

– Да я для друга ничего не пожалею!.. Обычный пылесос – это в сторону! Подогрев трубы – раз! Дополнительные баки и мощный движок – два. Встроенные амулеты счастья – три. Откидывающийся кожаный верх – четыре. Потусторонняя навигация – пять. Катапультный джинн с навыками автопилота – шесть. И, разумеется, вместительный багажник. Ужасно неудобно все время оглядываться и проверять: не сбилось ли заклинание и летит ли за тобой твой рюкзак... Правда, это будет стоить больше, чем Ванька заработает за двадцать лет, но разве это так важно? На собственной безопасности не экономят!

Ванька был уже недалеко, когда ветер рванул одеяло тумана и, натянув его на маленькую фигуру на пылесосе, вновь скрыл ее от Тани. Должно быть, и Ванька не видел пока Таню, стоящую по колена в воде, потому что подлетел сразу к Серому Камню и спрыгнул с пылесоса.

Увязая в песке, Таня подбежала к нему и остановилась в метре или в двух. Странная нерешимость охватила ее. Пылесос уже не работал, лишь глухо кашлял и выплевывал последние чешуйки русалочьей чешуи.

– Таня!

Больше ничего сказано не было. Бензин слов закончился. Ванька шагнул к ней. Его поцелуй обжег Таню, как клеймо. Таня попыталась вырваться, но уступила. Ее захлестнуло волной нежности. Она любила этого смешного недотепу, который столько летел над океаном сюда, к ней, в Тибидохс. Ванькина куртка была вся мокрая. Отсырела от ночного тумана и пены брызг.

А Ванька все целовал ее щеки, губы, шею. Он был другой. Жесткий, властный, уверенный. Та неуловимо-застенчивая и деликатная нежность, которая была у Ваньки прежде и которая казалась Тане его неотделимой частью, куда-то исчезла. В глубине души Таня чувствовала, что такой Ванька нравится ей больше, но все же что-то ее смущало.

Она высвободилась и прижалась щекой к его плечу, спасаясь тем самым от Ванькиных губ. Ванька легко, будто она была не тяжелее куклы, подхватил Таню на руки и вместе с ней запрыгнул на Серый Камень. У Тани закружилась голова. Что это? Магия камня или магия горячих Ванькиных ладоней?

А дальше все захлебнулось в словах и клятвах. Тане казалось, что никогда она не любила Ваньку так сильно и не понимала его так хорошо, как в эту ночь у Серого Камня. Лишь много погодя, когда мрак уже размывался, робко уступая рассвету, из тумана, косолапя, вышел хмырь и устоял на них. Его глупое хихиканье походило на скрежет крышки мусорного бака.

– Пусть он уйдет! Прочь!

Таня стала поднимать перстень, однако Ванька опередил ее. Он раздраженно повернулся. Таня не поняла, что именно он сделал, но хмыря вдруг смело, точно в него на огромной скорости врезался грузовик. Несколько секунд спустя Таня услышала слабый звук удара. Это хмырь где-то там, очень далеко, впечатался в скалу.

– Куда он делся? – спросила Таня.

Она знала, что это никак нельзя было сделать обычным обормотисом.

– Я всего лишь попросил его удалиться на доступном ему языке, – пояснил Ванька.

– Но он жив?

– Какая разница? Скорее всего жив. Второй раз в ящик не сыграешь, – равнодушно ответил Валялкин.

Таню удивили его слова. Она хорошо помнила, что раньше Ванька всегда огорчался, когда случайно наступал на виноградную улитку. Да и дождевых червей переносил с дороги, когда после дождя они выползали из залитых водой проходов и, не зная, как спастись, бестолково корчились на солнце. С другой стороны, может, Ванька и прав, что не стал церемониться. Хмыри все равно не понимают нормальной речи.

Они сидели, обнявшись. Голова Тани лежала у Ваньки на плече. Над океаном ало рдела полоска зари. Ванька с недобрый прищуром наблюдал за зарей. Кажется, он жалел, что ночь закончилась, и злился на нее за это.

– Прости, но мне пора! – сказал он, осторожно освобождаясь.

– Как пора? Разве ты не останешься? – недоумевающе спросила Таня.

– Рад бы, но не могу...

– Ты не можешь не остаться! Сегодня у Шурасика юбилей... Двадцать лет! Когда я поступала в Тибидохс, мне казалось, что люди вообще столько не живут.

– Я бы остался. Но я не могу. Просто не могу, – сказал Ванька твердо.

– Из-за жеребенка и из-за Тангро?

– Из-за кого? А, ну да...

– Ты не можешь улететь. У тебя пустой бак! Пылесос не долетит!

– Смогу. У меня полный рюкзак чешуи. Я хорошо подготовился.

Ванька вновь ревниво оглянулся на солнце. Теперь его диск был виден почти целиком.

– Закрой глаза! – приказал он.

– Зачем?

– Я не хочу, чтобы ты видела, как я улетаю! Это будет слишком банально и тоскливо!.. Все эти удаляющиеся фигуры! Девушка на берегу! Заезженно и потому скучно! Это все не о нас и не для нас... Я хочу, чтобы ты закрыла глаза и досчитала до ста! Когда ты откроешь их, меня уже не будет, – сказал Ванька.

– Но я не хочу! Не буду!

– Сделай это для меня! Прошу тебя! Не спорь!

Таня засмеялась. Ей почему-то не верилось, что Ванька может улететь. Счастье захлестывало ее.

– Закрой глаза!

Голос Ваньки стал властным. Таня уступила. Мгновение спустя она почувствовала Ванькино дыхание и его поцелуй. Таня продолжала сидеть с закрытыми глазами, ощущая себя галчонком, которого обещали покормить червяком, но надули. Она слышала, как Ванька развязывает рюкзак, и из рюкзака пахнет рыбой. Вот он открывает бак. Защелкивает его. Вот заводит пылесос, уступивший лишь с третьей попытки.

– Девяносто девять! – сказала Таня.

– Не жульничай!.. Я тоже считаю! Еще и сорока нет! – строго сказал Ванька.

– Но я буду жульничать!

– Потерпи! Скоро я вернусь, и мы будем вместе уже навсегда! – с каким-то странным, почти роковым выражением произнес Ванька.

Когда шум пылесоса смолк, Таня открыла глаза. Ваньки уже не было. Только следы на песке и кучка просыпанной чешуи. Радуга Грааль Гардарики полыхнула на горизонте, и ее вспышка слилась с первыми лучами солнца.

Таня подождала, пока солнце совсем покажется из воды. Она еще раз оглянулась на Серый Камень, села на контрабас и полетела в Тибидохс.

* * *

Когда она вернулась в свою комнату, то обнаружила Ягуна, без зазрения совести дрыхнувшего на ее кровати. Играющий комментатор был в забрызганном грязью комбинезоне и высоких шнурованных ботинках, на которых они с Лотковой конкретно помешались.

Таня растолкала его. Не желая просыпаться, Ягун дважды назвал Таню «бабусей», швырнул в нее подушкой и попытался натянуть на голову одеяло, однако Тане удалось стащить его с кровати. Сидя на полу, играющий комментатор медленно просыпался.

– Ты будила меня негуманно, гадкая фука! Надо было ласково дуть мне в ушко. А когда я швырнул подушкой, нужно было вернуть ее мне с приятным и радостным выражением лица, – капризно заявил Ягун.

– Ты бы бросил ее снова!

Ягун зевнул.

– Правильно, дочь моя! Я бы кидал ее в тебя раз десять подряд и всякий раз понемногу просыпался. Кроме того, я люблю ощущать аромат свежесваренного кофе. Давай я опять лягу, ты подоткнешь одеяльце и потренируемся еще раз!

– Ягун, ты что, свинья? Ты хоть ботинки мог снять, прежде чем лезть на чистое покрывало?

- Ты декларируешь два утверждения, на которые нельзя дать один ответ. Это неэтично. И вообще, какая же я свинья? В худшем случае, симпатичный юный кабанчик! - возмутился играющий комментатор.

- Ягун, я тебя убью!

- Не убьешь. Ты мне все простишь, потому что ночью я вернулся от Ваньки и безумно устал, - сообщил Ягун.

Таня расхохоталась. Ну и чушь! Такое и от Ягуна нечасто услышишь!

- Ты вернулся от Ваньки? Ну конечно! Был у него на Иртыше?

- Угум. Чтобы пригласить его к Шурасику. В Ванькиной глуши зудильники берут раз в сто лет. Никакого приличного покрытия. Все приходится делать лично. Бедный, бедный я трудоголик! Прошу записываться в очередь, чтобы гладить меня по головке! - удовлетворенно сказал Ягун.

- А обратно ты что, вместе с Ванькой летел? - продолжала допытываться Таня.

Ей захотелось подыграть Ягуну, чтобы послушать, как он врет.

- Кто летел-то? Когда бы я успел на пылесосе туда и обратно? Ясный перец, меня к нему бабуся телепортировала. Ну и дыра, скажу я тебе! Я б взвыл... Куда ни плюнь - всюду природа: елки, трава, волки всякие... Никакого нормального общения. Не, точно взвыл бы! - жизнерадостно сообщил Ягун.

Таня давно успела изучить эту особенность Ягуна. Играющий комментатор все на свете примерял на себя. Все измерялось у него в ягунчиках: время, эмоции, предметы. Стоило, к примеру, похвастаться новым зудильником или пылесосом, как Ягун немедленно выдавал: «Я б от такого тоже не отказался!» или «Я б такой даром не взял!» И это при том, что лично Ягунчику ничего и не предлагали.

- Ягун! Ну признайся, что ты врешь! Не был ты у Ваньки!

- Был!

– Ну хорошо! Пусть был! Но спорим: ты Ваньку не застал, – уверенно сказала Таня.

Чтобы в полночь попасть к Серому Камню, Ванька должен был вылететь вчера не позже часа дня. В час же дня Ягун еще был в Тибидохсе. Так что телепортация пока что ничего не объясняет.

Ягун посмотрел на Таню и прищелкнул языком.

– Почему не застал? Очень даже застал! Мы с ним чай пили травяной... Вообще ничего чай, но я б такой долго пить не мог. Чай с мятой – это я понимаю. Чай с малиной – тоже понимаю. Но чай с мятой и малиной, в котором нет самого чая, – это просто мамочка моя бабуся что такое!

Таня недоверчиво уставилась на Ягуна. Сомнений нет, Ягун валяет дурака. На буйное воображение не наденешь смирительную рубашку.

– Жеребенок у Ваньки ничего, прикольный. Шарахался от меня, правда. Хотя от меня драконами пахло. Лошади этого не любят, – продолжал Ягун.

– Поклянись, что ты только что был у Ваньки!

– С какой радости?

– ПОКЛЯНИСЬ! – крикнула Таня так, что струны контрабаса поймали тон ее голоса и загудели.

Ягун обиделся.

– Чего вопить-то? Ну испачкал я тебе одеяло! Клянусь, что я только что вернулся от Ваньки. Разрази громус! Теперь довольна? – сказал Ягун.

Клятва смутила Таню. Ни у одного шутника не хватило бы смелости поклясться громусом.

– А, да! – продолжал Ягун. – Я чего среди ночи-то к тебе завалился? Хотел записку от Ваньки отдать, а тебя нет... Держи!

Одолеваемая скверным предчувствием, Таня развернула сложенный вчетверо лист.

«Привет! Я ужасно скучаю. Мне кажется, что мы не виделись не несколько недель, а сто лет! Буду сегодня к шести. Только придумаю, на кого оставить Тангро и жеребенка.

Ванька».

Таня бросилась к корзине, в которую она положила записку Ваньки, полученную сегодня во время обеда. Ей внезапно захотелось сличить почерк и бумагу. Одуриительный драконбольный мяч, свитера, зудильник – все на месте. Но где же записка? Ага, скорее всего под конспектами! Приподняв нижнюю тетрадь, Таня увидела серый пепел.

– Что случилось? – жизнерадостно спросил играющий комментатор.

– Ничего.

– Ага! И всякий раз, когда случается «ничего», ты стоишь с лицом перепуганного младенца, потерявшего в супермаркете родственников?

– Ягун! Сгинь! Умоляю! Я хочу побыть одна! – едва выговорила Таня.

Почему-то она ощущала, что ни с кем не сможет поделиться своим подозрением, даже с Ягуном.

Ягун закивал с умильным видом китайского официанта, получившего тупой заказ на блюдо японской кухни.

– Так бы сразу и сказала! Настоящие друзья умеют уважать чужое одиночество! Правда, если человек слишком начинает любить одиночество, рано или поздно он остается без друзей. Друзья, они, понимаешь, существа капризные. Им

нравится, когда их гладят по шерстке и дают сахар.

– Ягун, сахар в столовой! Брысь!

Ягун засмеялся и вышел. Закрыв за ним дверь, Таня тщательно обнюхала полученную от Ваньки записку. Записка пахла печным дымом и сыростью. Бумага, долго пролежавшая в деревенском доме, всегда имеет такой запах. Ни одна печь не протапливается постоянно, и сырость пролезает в дом чаще, чем получает пригласительный билет. Таня закрыла глаза, сосредоточилась, слилась всеми чувствами с этим клочком бумаги и ясно увидела Ваньку, который писал записку за деревянным столом. В углу стола громоздилась гора давно не мытых тарелок. В верхней тарелке, свесив лапу, лежал Тангро. Тут же рядом маялся от безделья Ягун. Ванька писал, загораживая от него записку плечом, хотя у играющего комментатора и без того хватало порядочности не читать чужие письма.

Сомнения исчезли. Последняя записка действительно была от Ваньки. Но от кого первая?.. Таня осторожно ссыпала пепел на ладонь, подняла ладонь к носу, закрыла глаза. Вначале она ничего не почувствовала, кроме запаха горелой бумаги. Затем различила легкий запах ландышей. Услышала смех. Вот только чей? Интуитивное зрение так и не пробудилось. Таня не видела ничего.

И тут у нее закружилась голова. Таня поспешно сделала шаг назад, споткнулась о стул и упала на кровать. Ей почудилось, что она стоит на краю бездны, а снизу, из мрака, к ней тянется властная рука.

Пепел осыпался с ладони. Восстановив внутреннее равновесие, Таня пыталась найти его следы на ковре и кровати, но не нашла.

Таня выскочила в коридор и побежала, сама не зная куда. Кажется, она поднималась по лестнице. Дважды перед ее глазами мелькали полукруги бойниц. А вот и меч, прикованный к камню цепью. Увидев Таню, он лишь слегка шевельнулся и звякнул цепью, как узнавший гостя сторожевой пес.

Таня пронеслась по галерее и внезапно поняла, что она уже в Башне Призраков. Блуждавшие в коридорах сквозняки шевелили тяжелые пыльные портьеры. Навстречу Тане по коридору плыл Безглазый Ужас. Его голова с вырванными глазами катилась впереди, точно мяч. Таня прижалась к стене. Общение с этой

милой личностью не входило в ее творческие планы.

Однако избежать этого не удалось. Докатившись до Тани, голова остановилась у ее ног. Ужас нашарил голову и деловито, как шляпу, нахлобучил на плечи.

- Затылок не там, - подсказала Таня.

- Я и сам бы разобрался, аспирантка Гроттер! Но тем не менее благодарю за участие! - сказал Безглазый Ужас неожиданно сухим, канцелярским тоном, мало похожим на его обычные предрассветные завывания.

- Что-то случилось? - спросила Таня.

- Что могло случиться, аспирантка Гроттер? Сущие мелочи! Бездна разомкнулась, и хаос стучится в наши двери! - загадочно произнес Безглазый Ужас.

Голос у него изменился, точно он повторял эти слова за кем-то. Таня вскрикнула. По пыльной портъере за прозрачной спиной призрака пробежал синий огонь. Призрак расхохотался. Казалось, что синий огонь вытекает из его глаз и провала рта.

Таня повернулась и побежала. Хохот призрака гнал ее по коридорам школы. На лестнице, ведущей к Жилому Этажу, кто-то сидел и двузубой вилкой выуживал из банки кильку в масле.

- Шошешь? Она не шушашется! - спросил Ягун, демонстрируя Тане маленькую рыбку на вилке.

Таня замотала головой. Играющий комментатор пожал плечами, поднес вилку ко рту и помог рыбке отправиться в последнее плавание.

- Жуткое дело: пищевая цепь!.. Кого-то лопаешь ты, кто-то лопает тебя. Мою совесть успокаивает только то, что, утони я в океане, рыбка проделала бы то же самое со мной, - сказал он, когда рот его вновь освободился для иных звуков, кроме чавканья.

– Что ты тут делаешь? Искал меня? – спросила Таня.

Ягун лукаво прищурился.

– Не буду спорить! Мне почему-то подумалось, что я тебе нужен. Твоему одиночеству не одиноко? – поинтересовался он.

Помедлив, Таня кивнула. Ягун угадал. Настоящий друг тем отличается от ненастоящих, что вовремя появляется и вовремя исчезает. Правда, исчезал Ягун часто не вовремя, зато появлялся всегда кстати.

Глава 3

Большому кораблю – большая торпеда

В своих мечтах люди всегда исходят из того, что любовь бесконечна. Вроде как один раз вошел в воду и плывешь всю жизнь. Такое бывает, но редко. Резерв любви у каждого свой. Кого-то хватает на год, кого-то на пять лет, кого-то на десять. Ни один цветок не может цвести бесконечно. Пора цветения рано или поздно пройдет, и тогда ты ощутишь себя глупой бабочкой, которая зависла над облетевшим цветком.

«Книга истин»

Все утро Таня проходила сама не своя, испытывая тягостное недоумение. Вопросов у нее было явно больше, чем ответов. Хорошо еще, что Ягун не оставлял ее ни на минуту, отвлекая от тяжелых мыслей оптимистичной болтовней.

Стоило Ягуну замолкнуть хотя бы на пять минут, Таня начинала барахтаться в топких объятиях уныния. Уныние засасывало ее, трогало за лицо липкими лапками, что-то шептало шуршащим песочным голосом. Ягун поглядывал на нее с интересом.

– «Казнить, нельзя помиловать». Слышала эту задачку про запятую? – спросил он.

– Все слышали.

– Ну не радуйся особо. Это у нормальных людей «казнить нельзя, помиловать!». А у тебя так: сперва казнить, потом помиловать. Затем снова казнить и снова помиловать! При этом казнишь ты все время себя, а милуешь кого-то другого, – заявил внук Ягге.

– Похоже, так и есть. И что, я, по-твоему, ненормальная?

Ягунчик потер руки.

– Ну почему же? Это только в черно-белом кино между «здоровый» и «больной» ничего нету. На деле же существует масса промежуточных состояний. Нормальный – притворяющийся нормальным – безобидный псих – контролируемый истерик – неконтролируемый истерик – придурок без тормозов – обиженный на весь мир псих с искрами гениальности – ну и так далее. Пока до действительно ненормального дойдешь – язык сломаешь.

– И кто же я, по-твоему? Псих с заскоками? – спросила Таня с интересом.

– Даже не надейся на такое высокое звание! Ты, Танька, городская сумасшедшая, укушенная мухой жалости. Вроде школьной училки, которая бродит между двумя одинаковыми елочками и никак не решится, какую елочку срубить деткам на Новый год, а какую пощадить, – заявил Ягун.

– Что же тут плохого?

– Да ничего. Только училка сперва тяпнет топором по стволу одной елочки. С елочки посыплется снег. Училка испугается, пожалеет елочку, отбежит, тукнет по другой елочке. Потом и эту пожалеет, отбежит и снова тукнет по первой. Так она бегаёт, сомневается, а когда перерубит оба ствола до половины, уронит топор в снег, зарыдаёт и побежит к детишкам. «Детишки! – скажет она. – Давайте будем добрыми! Встретим Новый год без елочки!»

Таня уставилась на Ягуна с подозрением. К чему этот разговор о елках? Неужели играющий комментатор что-то знает? Вот и дружи после этого с телепатами!

* * *

Первые гости начали собираться с утра. Демьян Горьянов прилетел не на пылесосе, а на Пегасе. Пегас был старый, со слезящимися глазами, измученный. Малютка Клоппик немедленно распустил слух, что Демьян похитил его из колбасного цеха.

Демьян стоял у подъемного моста и держал Пегаса за повод, размышляя, что делать с ним дальше. Привязать? Отпустить? А если отвести, то куда?

– Ты же сказал Таньке, что опоздаешь. А сейчас только восемь утра! – ехидно сказал Горьянову Ягун.

Демьян покосился на него с тревогой.

– Эмю-эээ... Я перенес несколько деловых встреч. Мы проведем их позже, в другом формате. Я счел, что общение с друзьями – гражданский долг всякого делового человека.

– Это ты правильно счел, Горьянчик! Только умоляю: не надувай так щеки! А то кто-нибудь сочтет, что ты – мутировавший хомяк! – одобрил Ягун.

«Деловой человек» поджал губы и озабоченно обернулся. По подъемному мосту к нему бежал разгоряченный Тарарах. Демьяну стало не по себе. Он реально смотрел на вещи и не верил, что Тарарах мчится, потому что рад его видеть. Все же он сделал навстречу питекантропу шаг и протянул ему ладонь.

Вместо рукопожатия питекантроп молча вырвал у него повод. Передав повод Ягуну, он сдернул с Пегаса седло и потник. Оказалось, что спина у того стерта до крови.

– Когда седлаешь пегасов, не натягивай седло на основание крыльев! Ты что, не видишь: оно сдирает кожу! – набросился на Горьянова питекантроп.

Демьян смутился. Тарарах осмотрел сбитые ноги коня, его торчащие ребра и, задрав губы, занялся изучением зубов.

- Даренному Пегасу в зубы не смотрят! - попытался пошутить Ягун.

Шутка успеха не имела. Тарарах ее даже не услышал. Как раз в эту минуту он заметил следы кнута на крупе у Пегаса и так уставился на Демьяна, что тот невольно сделал шаг назад.

- Я не виноват! У меня даже плети нет! И седлал не я! Я просто взял коня напрокат! - быстро сказал Горьянов.

- Ты же говорил Таньке, что у тебя личная конюшня? - наивно напомнил Ягун.

Демьян отступил еще на шаг, рискуя свалиться в ров.

- Э-э... Ну я немного преувеличил. На самом деле эта конюшня формально числится за моими деловыми партнерами... То есть даже это их конюшня! - путано сообщил он.

- Прекрасно! Оставишь мне ее адрес! - сказал Тарарах сквозь зубы.

- Адрес конюшни? Зачем? - встревожился Горьянов.

- Я наведушь туда, чтобы поблагодарить хозяев за трогательную заботу о животных. И не надейся, что я забуду! Ты все понял? - грозно повторил Тарарах.

Горьянов торопливо закивал, стараясь не смотреть на красное лицо питекантропа. Добряк Тарарах становился зверем, когда видел, что обижают животных.

- Ягун! Отведи Пегаса в конюшни! А ты, дрянь такая, чтоб даже близко не крутился! - приказал Тарарах.

Горьянов забеспокоился.

- Как в конюшню? Но я должен буду его вернуть! Или мне будет плохо!

- Я сам его верну. А плохо будет всем! - мрачно пообещал Тарарах.

- Но это вампиры! Они опасные ребята! С ними лучше не связываться! - пискнул Демьян.

- Я тоже опасный ребенок. У меня было трудное детство в грубом пещерном обществе... Эти кровососущие сволочи, которые мучают коней, будут отныне пить кровь только из стаканчиков, потому что зубов у них не останется, - заверил его Тарарах, обнаруживший следы старых укусов на шее у Пегаса.

Когда Ягун увел Пегаса, Горьянов грустно ушлепал в Тибидохс. Он уже пять тысяч раз пожалел, что не прилетел на пылесосе. Милый, милый пылесосик, как же ты далеко! И на чем теперь возвращаться обратно, если ему не вернут Пегаса? «Мама, мама, о чем же ты думала? Выполни работу над ошибками! Роди заново своего непутевого сына!» - страдал Горьянов.

Вскоре после Демьяна прилетели два «П» - Попугаева с Пупсиковой. Где-то в районе Гардарики они встретились с Кузей Тузиковым, который вился вокруг них на своем реактивном венике, как шмель. Пупсиковой он при этом уделял несколько больше внимания, чем Попугаевой. Верке это не нравилось. В ее принужденном смехе всякий опытный человек уловил бы нотки похоронного марша.

Ритка Шито-Крыто появилась около полудня. Как она прилетела, не видел никто. Ягун увидел ее сразу в коридоре Жилого Этажа. Ритка, посвистывая, направлялась в душ в халате и тапочках, будто и не улетала никуда, а существовала в Тибидохсе все эти месяцы на правах привидения.

- Откуда ты взялась? - спросил Ягун.

- Оттуда, - сказала Ритка и посмотрела в неопределенность.

- А на чем прилетела?

- На том.

Больше Ягун вопросов не задавал. Понял, что бесполезно. В конце концов, если у тебя фамилия Шито-Крыто, от тебя можно ожидать чего угодно. Захватив с собой Таню и Лоткову, которой тоже нужно было уделить внимание, Ягун отправился к бабусе. Он надеялся невзначай на правах любимого внука вынюхать у нее, что именно привезли вчера Сарданапалу на склепах Магщества.

Ягге возилась с учениками Великой Зуби. После наложенного собачьего сглаза ученики воображали себя псами. На полу стояли миски, в которые Ягге накладывала гречневую кашу с костями. Голодные ученики тьякали и нетерпеливо скулили.

Заметив Ягуна, ученики немедленно облаяли его, а одна, хорошенькая и стройная девица лет пятнадцати даже вцепилась ему зубами в штанину. Ягун укоризненно сказал «фу!» и погладил ее по голове. Секунду спустя девица уже подпрыгивала и лизала его в щеку, пытаясь вилять несуществующим хвостом.

– Хорошая собачка, хорошая! Умница! – одобрил Ягун, подставляя «собачке» другую щеку и как бы невзначай поглаживая ее по спине.

Катя Лоткова гневно кашлянула.

– В чем дело? – возмутился Ягун.

– Отойди от нее!

– Зачем?

– Я сказала: отойди!

Ягун пожал плечами и с сожалением отошел.

– Отвратительная черствость! Я всегда подозревал, что ты не любишь собак! – заявил он.

Ягге разобралась наконец с кашей. Забыв о Ягуне, «собаки» метнулись к мискам и стали жадно есть, толкаясь головами. Ягун бочком приблизился к Ягге.

- Бабуся, а бабуся... Тебе очень идет сегодняшняя шаль! – начал он.

- Неужели больше, чем вчерашняя? – озабоченно спросила Ягге.

- Да, гораздо больше. Вчерашняя была тусклая, старая и плохо выражала твою внутреннюю сущность. Я бы ее на половые тряпки пустил! – убежденно сказал Ягун.

Ягге посмотрела на внука без восторга.

- У меня всего одна шаль, – произнесла она.

Ягун прикусил язычок и невнятно пробормотал что-то про магические потоки из Потустороннего Мира, которые искажают реальность.

- Не подлизывайся! Все равно не узнаешь! – строго оборвала его Ягге.

- Чего не узнаю?

- Того не узнаешь.

- И ты даже не скажешь, где спрятали то, о чем я не узнаю?

- Нет, – категорично заявила Ягге.

- Ну и ладно! – хладнокровно согласился ее внук. – По большому счету, я и сам знаю, что никакое это не «что», а «кто». Магщество последнюю совесть утратило! У нас что тут, Дубодам?

Здесь играющий комментатор смело выложил единственный козырь, о котором сообщила ему Таня. Его глаза скользнули по лбу бабуся, задержавшись чуть дольше, чем было необходимо. Ягге уронила пучок одолень-травы и резко повернулась к внуку.

- А ну постой! Откуда ты?.. А ну не смей меня подзеркаливать!

– Кто, я? Родную бабушку? Клянусь Демьяном Горьяновым, я никогда бы не... – начал Ягун.

Ягге не пошевелила даже пальцем, но внезапно ее внук вскрикнул и схватился за голову.

– Ай! Зачем так жестоко? Я же родственник!

– Именно поэтому я тебя не убила, а просто один раз дала по мозгам. Причем не очень сильно, – пояснила отставная богиня.

Тем временем трем сглаженным «собачкам» удалось очистить миски, и они подбежали к Ягге кланчить добавки. Ягун проявил собаколюбие и перенес из Зала Двух Стихий кастрюлю с костями. «Псы» мигом оставили Ягге и переключились на него. Лоткова зорко следила, чтобы Ягун не приближался к самой хорошенькой «собачке».

– Фу! – строго говорила Лоткова, топя ногой. – Фу! Место!

«Собака» отскакивала. Однако как только Лоткова отворачивалась, Ягун незаметно приманивал «собачку» губами. Ягге первой надоел этот цирк, и она решительно выперла всех троих, включая Таню, из магпункта.

– Ну вот, так мы ничего и не узнали, – сказала Таня в коридоре.

Ягун насмешливо оглянулся на нее.

– Пусть каждый говорит за себя. Это ты ничего не узнала, – сказал он многозначительно.

– А, ну да! Ты же подзеркаливал! – сказала Катя Лоткова.

Ягун так и подскочил от негодования.

– И ты, единственная из моих любимых женщин, разделяешь общее заблуждение! Подзеркаливал!!! Я? У меня что, было зеркало? Ты его видела?

– Ягун! Не придуривайся!

Играющий комментатор вздохнул и попытался стать серьезным.

– Ну, так и быть. Кое-что я разнюхал, но расскажу чуть позже. На самом деле то, что я понял, очень путано и нуждается в дальнейших пояснениях, – заявил он.

По галерее они вышли на стену. Тут сразу обнаружилось, что пока они были в магпункте, в Тибидохс успели прибыть Семь-Пень-Дыр и Жикин. Из лопухоидного мира они летели вместе. Жикин, мокрый с головы до ног, прыгал и пел, размахивая шваброй с пропеллером. Он весь был – сплошной восторг. Его правую щеку перекосило, точно от флюса. Зато желвак, который был прежде на скуле, исчез совсем.

Семь-Пень-Дыр сразу кинулся к Ягуну, потянул его за рукав и зашептал:

– Это настоящий псих! Полный придурок!

– Кто? – не сразу понял Ягун.

Жикин захихикал и, сделав шваброй фехтовальное движение, ткнул Семь-Пень-Дыра в спину.

– Это я! Я! Я!.. Пока, жалкие субъекты! – запел он и, хохоча, скрылся на лестнице.

– По-моему, Жикин спятил. Пока я с ним летел, у меня было чувство, что я пациента из дурдома сопровождаю! Причем в самом начале вроде нормальный был... – сказал Семь-Пень-Дыр.

– А потом что?

– Я и сам не понял. У него вдруг вздулась щека, и он стал нести чушь! А потом как прыгнет в океан. Хорошо, мы низко летели. Пришлось вытаскивать! – пожаловался Семь-Пень-Дыр.

Таня озабоченно посмотрела на ступени, на которых остались мокрые следы.

– С Жикой что-то происходит. Я еще когда по зудильнику с ним говорила – поняла, – сказала она.

– Да ну, ерунда! По-моему, у Жикиечно так. Если он и дружил когда-то с головой, то только на уровне: «Здрасьте – до свидания!» – заявил Ягун.

– Можно подумать, ты у нас с головой всегда дружишь! – обиженно сказала Лоткова, которая все никак не могла простить Ягуну любви к собачкам.

– Не особо дружу, но я хотя бы вменяемый! – нравоучительно произнес Ягун.

– В смысле? – не поняла Катя.

– Есть такая штука: элементарная человеческая вменяемость. Это когда ты можешь спокойно оставить на столике в кафе зудильник и выйти вымыть руки, зная, что подруга не полезет читать твои сообщения. Это когда не выдают секретов, не плюют в суп, не врут по мелочам в глаза; уронив одну из двух булок, не дают тебе уроненную – и так далее, до бесконечности. Так вот: у меня эта вменяемость есть, а у Жикина ее нет и никогда не было. Именно поэтому мне на него глубоко начхать.

Таня пожала плечами. Может, рассуждая про вменяемость, Ягун и прав, но с Жориком явно что-то не так. Причем проблема совсем не в его человеческой порядочности.

* * *

Гробыня с Гуней примчались часов около трех. Увидев Таню, Гробыня бросилась к ней, точно желая заключить в объятия, но в последний момент резко притормозила и трижды клюнула воздух возле щек Тани. Максимум, что Таня ощутила, горьковатый запах ее духов. Должно быть, эта была новая лысегорская мода, усвоенная Склепшей.

– Гроттерша! У тебя под глазами синие круги! И вообще запустила ты себя, мать моя! Еще б пару ссадин, и можно посылать бутылки сдавать, – сказала Склепова, зорко оглядывая Таню.

– Склепова, ты сволочь! – произнесла Таня грустно.

Гробыня засмеялась.

– Ну-ну, не обижайся! Кто ж еще нахамит, кроме старой подружки? Другим низзя – мне можно. И вообще, где эта юбилейная мелочь, которую двадцать раз за уши надо дергать? Куда она спряталась? – спросила она.

Рядом с Таней возник Баб-Ягун. Внук Ягге озабоченно тряс ладонью, которую только что неосторожно протянул для рукопожатия Гуне. Ну Гуня и «рукопожал» со всей скромной медвежьей симпатией...

– Юбилейная мелочь будет к шести. Она позвонила и сказала, что она на международном симпозиуме по правам магических меньшинств. У нее выступление на круглом столе или на другой какой-то мебели, – сообщил Ягун.

На Гробыню явный успех Шурасика впечатления не произвел.

– Ясное дело! У них на симпозиумах дикая скука. Вот и приглашают умненьких мальчиков вроде нашего Шурочки, чтобы было в кого скомканными бумажками кидать, – заявила Склепова.

Ягун хихикнул, по достоинству оценив новую версию пребывания Шурасика на симпозиуме.

На стене появились Пипа с Бульоновым, и Гробыня немедленно устремилась к ним. С Пипой номер с расцеловыванием воздуха не прошел. Она сгребла Гробыню за щеки пухлыми и мощными руками и, притянув ее голову к себе, звучно поцеловала в щеку.

– Привет, Гробка!

– И тебе привет, славная Пипенция! Где ты купила это платье, у Сальвадора?

– Нет, у Чунь-Сыра. Сальвадор уже не актуален, – с ложной скромностью сказала Пипа.

Гробыня уважительно подняла брови.

– Растем, однако!.. У Чунь-Сыра! С каких таких свиной-копилок? А, ну да! Твой папахен же выпил всю кровь из вампиров!.. Ты бы хоть Гроттерше скинула что-нибудь с барского плеча! А то совсем измордовали Золушку!

– Я ей предлагала. Не берет. Говорит, размер не ее, – оправдываясь, сказала Пипа.

– Кто спорит, что не ее. Никто не просил Гроттершу так кошмарно толстеть! – хмыкнула Склепова и перевела взгляд на Бульонова, голова которого терялась где-то в вышине. Рядом с низенькой Пипой он возвышался как подъемный кран.

– Привет, Геннадий! Как твое ничего? Все акселератствуем? Растем-цветем-звереем?

Бульонов грустно вздохнул с высоты.

– Ну-ну, не зазнавайся, коварный человек! Что в вас, лосях, проку? Мне всегда нравились маленькие мужчины! Именно поэтому я и завела себе Гуню, чтобы понять, как много я потеряла! – продолжала Склепова.

Болтая, Гробыня не могла устоять на одном месте. То подбегала к стене и заглядывала вниз, то начинала вертеть Пипу, изучая ее платье, то отскакивала к Тане. Жизненные силы переполняли ее. Это был не человек, а какой-то электромотор. Гуня, погребенный под горой чемоданов, рядом с Гробыней казался приунывшим флегматиком. Ягуну захотелось поддержать его, сказать ему что-то ободряющее.

– Ты в курсе, что вы еще даже на обед успеваете? – спросил он.

При слове «обед» Гуня поднял голову. В его утомленных совместной жизнью с электромотором глазах зажегся интерес.

– Гуня не хочет есть. Он пытается сказать, что вполне потерпит до вечера! – заявила Гробыня.

Гломов посмотрел на ее шею взглядом вышедшего на охоту тигра.

– Спокойно, медвежонок! Все знают, что ты у меня хороший и ручной! Будь такой добренький, отнеси чемоданчики своей девочки в комнатку Гроттерши, а меня убьешь вечером после кормежки!

– А почему в мою? – спросила Таня, оценивая количество чемоданов.

– Потому что ни в какую другую такая куча шмотья не влезет. К Пипе даже иголку надо проталкивать вдвоем, а у Ягуна все провоняет чешуей. Можно, конечно, в кабинет к Сардику, но я скромная девушка и не решусь сама навязаться.

Вообразив, как шумная Гробыня и ее пыхтящий Гуня с чемоданами впираются в кабинет к академику, Таня едва удержалась от улыбки. А тут еще один из чемоданов расстегнулся, и из него выкатилась красивая яркая пачка.

– Макароны «Макфа»! – удивленно сказала Таня, поднимая ее. – «Макфа» – это от слова «маг»?

– Не уверена, но не исключено. На самом деле я ценю «Макфу» за то, что могу восполнить ими свою потребность в углеводах и одновременно сохранить идеальную фигуру, – кивнула Склепова.

Гуня наконец застегнул чемодан и убито поплелся к лестнице.

– Многовато вещей для одного вечера, – сказала Таня, провожая взглядом спину удаляющегося Гуни.

– Для одного – да. Но вообще-то я приехала на месяц. Грызианка мигом подписала мне отпускную командировку, когда пронюхала про драконбольный матч. Велела мне тут шататься и смотреть в оба. А как мне еще смотреть? Я ж не одноглазая! – самодовольно сообщила Склепова.

– Отпускную командировку? Это как? – спросила Таня.

– Сразу видно, что ты еще зеленая. Отпускная командировка – это бонус для любимых сотрудников. Когда тебе выписывают оплачиваемую командировку на Гавайи с заданием пересчитать количество тамошних баров и написать отчет строк в двадцать печатными буквами. Поняла?

Таня кивнула, с грустью подумав, что Склепова напиталась лысегорским духом. Ее девиз теперь получить как можно больше от мира, как можно меньше дав взамен. Едва ли этот дух уже когда-либо выветрится. Хотя, если разобраться, само разделение на темных и светлых всегда проходило именно по этой границе.

– Кстати, а почему На-Сардельки-Попал и Медузия нас не встречают? И Клепа больше не лезет с советами, где парковать пылесосы? – допытывалась Склепова.

Таня коротко сообщила о склепах Магщества и оглянулась на Ягуна.

– Так что ты узнал у бабуся? Теперь-то можешь сказать?

Ягун кивнул.

– Ну хорошо. Помнишь темницу, в которую Сардик поймал в прошлом году карлика?

– Ту, что Древнир строил для Чумы-дель-Торт? – уточнила Таня.

– Да. Туда два прохода. Первый – через Зал Двух Стихий и лабиринты. Второй – через подвал Башни Призраков. Стены выложены из камня, который не пропускает темной магии. В центре рукой Древнира начертан круг. Ни одно существо с черной душой не сможет выйти из...

– Я в курсе! – перебила Таня. – Так что про темницу?

– Ничего. Только наши препода сейчас по двое дежурят там, сменяя друг друга.

Ягун замолчал. Солнце рубиново горело в его уникальных своими размерами ушах.

– Это все, что ты знаешь? – нетерпеливо спросила Катя Лоткова.

– Вообще-то я знаю очень много. Но по данной теме мой доклад окончен. Бабуся выкинула меня из головы прежде, чем я вынюхал что-то еще.

Таня хмыкнула. Ей стало ясно, что ничего иного Ягун не подзеркалил. Телепатия – странная штука. Это все равно что вслепую всунуть палку с крюком в подвальное окно и наудачу пытаться что-нибудь подцепить. Никогда не знаешь, что выудишь из чужой головы: роковую тайну, две горсти вздора или надоевший музыкальный мотивчик, опутывающий мозги как холодная вермишель вилку.

Гробыня заинтересованно облизала губы. У нее успел выработаться профессиональный нюх на сенсации.

– Не хило, а? Два преподавателя Тыбысдохса охраняют что-то, чего не пожелали держать в Дубодаме? Два препода, не один! Выходит одного Сардельконахала или одной Медузии мало! Это как в анекдоте: сколько полков магического спецназа нужно, чтобы не уперли кулек с шоколадками?

– Склепова, это не смешно! Тибидохс не магическая тюрьма! Если Сарданапал нервничает – значит, повод действительно есть, – сказала Лоткова.

Гробыня нетерпеливо дернула плечом. Она не любила впустую рассуждать об очевидном, предпочитая сразу действовать. Лучше один раз удариться лбом, чем сто раз спросить: а что, дверь, правда, закрыта?

– Надо звякнуть Грызианке – она продлит мне командировку еще на месяц... – сказала Склепова.

Рука ее потянулась к зудильнику, но тотчас отдернулась назад.

– Э, нет! Гробынюшка едва не наломала дров! Если Грызианка почувствует, что тут пахнет сенсацией, она притащится в Тыбысдохс сама, а меня выпнет на Лысую Гору разгребать текучку. Ну уж нет! Гробынюшка будет тиха, как золотая рыбка в банке со шпротами!.. Она разнюхает все сама, а Грызька окажется в полете! Хватит с нее и одного драконбольного матча со сборной вечности.

Довольная, что так быстро все распланировала, Склепова благосклонно кивнула Ягуну и Лотковой и, подхватив Таню под локоть, потянула за собой.

– Ну все, Танька, идем к тебе! Я желаю страдать от груза юношеских воспоминаний и запивать их шампанским! Я еще не забыла те времена, когда эта комната была моей!

– Твоей? – возмутилась Таня. – Может, нашей?

– Нет, дорогая моя, именно моей. Меня поселили туда первой. Это вы с Пипой потом приперлись и нарушили мое хрупкое мыслящее одиночество своей бульварной пошлостью. Как же вы меня достали! Пипенция – своей мамулей, которая вечно торчит у нее в зудильнике, а ты – своими бесконечными мужиками.

Таня чуть не поперхнулась.

– Склепова! Не хаами!

– Ну-ну, не хочешь признаваться, и не надо, – миролюбиво сказала Гробыня. – Кто спорит – у того дела не спорятся!.. Как там мой скелет Дырь Тонианно? Надеюсь, ты его откормила?

Оказалось, что про Дырь Тонианно Склепова вспомнила не случайно. На прозорливость ее, что ли, пробило? Перешагнув порог комнаты, Таня увидела, что бледный Гуня прижимается спиной к стене, загораживая грудь чемоданом. Дырь Тонианно мечется на подставке как припадочный и атакует Гуню шпагой. Выпады скелет делал очень технично, по всей фехтовальной науке. Гуню спасал только набитый чемодан и то, что Дырь Тонианно прикован к подставке.

Увидев Склепову, скелет выронил шпагу, потянулся к ней, но внезапно дернулся и рассыпался на отдельные кости. Звякнула упавшая шпага.

– Ох уж эти мушкетеры! Грохнулся в обморок от счастья!.. – великодушно сказала Гробыня.

Она подняла с пола череп и, поцеловав в лоб, водрузила на него мушкетерскую шляпу. Затем перевела взгляд на чемодан, который продолжал держать Гуня.

– Эй! – заорала Гробыня. – Он же весь дырявый! Ты что, за свой чемодан спрятаться не мог?

Гуня побагровел и шагнул к ней.

– Я тебя придушу! Меня чуть не прикончили, а ты думаешь только о своем чемодане!

Склепова торопливо схватила Таню и загородилась Таней от Гуни.

– Спокойно, Гунявий! В конце концов, не тухлое яйцо виновато, что взорвалось о чью-то голову, а голова, которую потянуло искать с яйцом общения, – нравоучительно произнесла она, не забывая следить, чтобы между ней и Гуней находилась Таня.

Наконец Гломов согласился утихнуть и даже по приказу Гробыни сложил в углу нечто вроде баррикады из чемоданов. Склепова нырнула за нее и спустя минуту вышла уже переодевшейся.

– Ну как тебе? – спросила она.

– По-моему, слишком смело, но тебе идет, – осторожно сказала Таня.

Гробыня удовлетворенно кивнула.

– Что и требовалось доказать. Знаешь, в чем эстетическая доминанта этого платья? Оно держится вопреки всему! Не правда ли, жизнеутверждающий девиз? Вдобавок оно в черно-белую клетку, а это привлекает взгляды молодых ученых, любителей шахмат. Ну все, идем! Кстати, забыла спросить: Бейсусликов будет?

– Понятия не имею. Мне не нужен Бейбарсов, – сухо сказала Таня.

– Ну и напрасно. Знаешь, в чем безусловный плюс Бейбарсова? Он не боится действовать. Ты думаешь, страдаешь, усложняешь, сомневаешься, а у него сразу – хлоп! – поступок. Мы, белые и пушистые, это ценим. Причем ценим тем больше, чем меньше готовы в этом признаться. Женщина любит, когда ее немножечко тиранят.

– Я не такая, – сказала Таня.

Гробыня усмехнулась.

– Все не такие – такие. А самые не такие – самые такие!.. Ну все, Гроттерша, идем! Хочу увидеть, что вы там приготовили для Шурасика.

Склепова взяла Таню за руку и решительно потянула ее за собой. Гуня тяжеломерно затопал за ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-proklyatie-nekromaga

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)